

ДИСКУССИЯ

Часть I

Выступающие:

- Э. АГАЦЦИ профессор Университета Генуи (Италия), иностранный член РАН, доктор философии
- Э. БАГИС министр Турции по связям с Евросоюзом (2001–2013)
- Е. Й. ВЯТР министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологии, профессор
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- А. А. ГУСЕЙНОВ научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- П. ДУТКЕВИЧ директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
- В. Л. КВИНТ заведующий кафедрой финансовой стратегии МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН (США), доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- Г. КЁХЛЕР президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
- К. И. КОСАЧЕВ председатель Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам
- В. Л. МАКАРОВ директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- А. С. МАКСИМОВ председатель Комитета по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга
- Х. А. МАРК Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)
- М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
- А. А. ПАНКИН директор Департамента международных организаций Министерства иностранных дел РФ
- В. А. СЕВРИКОВ заместитель полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе
- В. С. СТЕПИН руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- В. Т. ТРЕТЬЯКОВ декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- М. В. ШМАКОВ председатель Федерации независимых профсоюзов России, вице-президент Международной конфедерации профсоюзов, вице-президент Европейского совета профсоюзов
- Я. А. ШОЛТЕ профессор кафедры исследования проблем мира и развития Гётеборгского университета (Швеция)

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! По традиции несколько слов от Оргкомитета Лихачевских чтений.

В этом году наш форум проводится 25-й раз. Началось Лихачевским чтениям было положено в 1993 году — тогда в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов были организованы Дни науки. Инициатором Дней науки и их участником на протяжении ряда лет был Дмитрий Сергеевич Лихачев — выдающийся российский ученый-гуманитарий, академик Российской академии наук. После ухода Д. С. Лихачева из жизни мы с писателем Даниилом Граниным обратились к Президенту России Владимиру Путину с предложением об увековечении памяти Лихачева. В течение трех дней в Аппарате Президента РФ был подготовлен и подписан Владимиром Путиным указ, в котором содержался ряд мер, направленных на увековечение памяти Дмитрия Сергеевича. Одна из них — проведение Международных Лихачевских научных чтений. Таким образом Дни науки превратились в Международные Лихачевские чтения. Уже многие годы Чтения проводятся при поддержке Российской академии наук и Министерства иностранных дел РФ с использованием государственных средств.

Ежегодно в Лихачевских чтениях принимают участие около полутора тысяч человек, 750 из них — лучшие школьники России и стран зарубежья, которые в течение прошедшего года участвовали в конкурсе «Идеи Д. С. Лихачева и современность».

В этом году в работе нашего форума участвуют представители более 25 стран мира со всех континентов (кроме Антарктиды) — крупнейшие ученые-гуманитарии и выдающиеся государственные и общественные деятели. На нашем сайте размещено более 170 докладов участников. Свыше 95 % участников имеют степень доктора наук. Возможно, недостатком Чтений является то, что в них принимает участие мало молодежи (кандидатов наук и др.). Но выдержать конкуренцию при отборе работ на Лихачевские чтения чрезвычайно сложно.

По традиции мы не зачитываем доклады, а представляем слово для краткого выступления с изложением центральных идей и обсуждением других докладов. Кроме пленарного заседания, в рамках Чтений будут проведены три панельные дискуссии, а также секционные заседания.

Чего мы ожидаем от Лихачевских чтений? Как и учил нас Д. С. Лихачев, каждый раз для проведения Чтений мы выбираем наиболее важные для России и мирового сообщества проблемы современности. Мы консультируемся с выдающимися представителями мирового научного сообщества на предмет того, что хотели бы обсудить. И считаем, что практические результаты наших дискуссий должны быть в первую очередь интересны людям, которые определяют мировую политику. После консультаций с коллегами мы сформулировали тему нынешних Лихачевских чтений, близкую к той, которую предложил ученый-гуманитарий из Канады, профессор Петр Дуткевич, — «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего».

Форум дает возможность донести наши идеи до мирового сообщества, на нашем сайте материалы представлены на русском и английском языках.

Одна из наиболее серьезных задач сегодня — определить, что происходит с глобальным сообществом, лидерством Запада и США, с той цивилизационной моделью, локомотивом которой долгие годы являлся Запад. В настоящее время эта модель утратила динамизм. Многие представители Азии, например, считают, что западная модель уже не может быть образцом для подражания. Большинство стран Запада, особенно лидеры в области экономического развития, заняты поиском путей, наиболее полно отвечающих их национальным интересам. Мы наблюдаем сложнейшие процессы, протекающие в рамках современной глобализации.

В настоящее время глобализационные процессы затормозились, что казалось невозможным еще два-три года назад, а то вообще повернулись вспять. От идеи объединения разных стран в транснациональные союзы (которую в послевоенное время отстаивали де Голль и Черчилль, взял на вооружение Сталин и т. д.), когда мир перешел от идеи доминирования национального государства к созданию крупных транснациональных объединений, наметился возврат к национальным государствам. Мы наблюдаем кризис европейского сообщества — сегодня происходят события, ранее невозможные. Евросоюз, пережив взлет и преподав миру пример построения гармоничных отношений в разных областях (экономика, право, система ценностей), испытывает кризис. Из ЕС выходит Великобритания. В США на выборах одержал победу президент, который провозгласил одним из пунктов своей предвыборной программы отказ от участия в глобализации. Нам здесь важно обсудить эту ситуацию.

Есть и другие интересные темы для дискуссии. В России, которая идет по собственному пути, многие задаются вопросами: имеет ли сегодня право ученый-юрист оставаться только юристом или он должен осмысливать юридические проблемы в общем контексте культуры, понимать, как они связаны с развитием страны, мирового сообщества, с экономикой, политикой? Может ли экономист сегодня ограничиваться подсчетами дивидендов, методикой распределения прибыли или он должен смотреть на явления значительно шире, учитывать связь разных подсистем культуры? Может ли профсоюзный лидер, который решает различные проблемы (в том числе связанные с заработной платой), сегодня думать только о повышении зарплаты или он должен анализировать закономерности исторического развития своей страны, национальные интересы, то, как в стране развивается экономика и как все это согласуется с общими тенденциями глобального развития? Могут ли сегодня политики, которые выстраивают международную систему, делать это, опираясь на обычаи и не учитывая то, что происходит с системой международного права, экономикой (которая, по Марксу, является двигателем политики)?

В настоящее время необходимо переосмыслить некоторые явления, понять, как изменилась природа ка-

питализма и что он представляет собой в развитых странах Запада, развивающихся странах Азии и, конечно, в России. Считаю, что каждый из нас должен выйти за пределы своих узких научных интересов и посмотреть, как конкретное знание, которое мы добываем, и идеи, которые мы разрабатываем, соотносятся с общей картиной мира, осознать, что ожидает нас завтра и в каком направлении нам двигаться. Это основная задача Лихачевских чтений. Желаю успехов в работе!

Слово предоставляется Владимиру Александровичу Севрикову, заместителю полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе.

В. А. СЕВРИКОВ¹: — В адрес участников XVII Лихачевских научных чтений поступило приветствие Президента РФ В. В. Путина:

«Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия XVII Международных Лихачевских научных чтений.

Ваши встречи давно уже стали значимым, ожидаемым событием в общественной жизни Санкт-Петербурга и всей страны. Отраднo, что все эти годы организаторы и участники Чтений сохраняют сложившиеся традиции, уделяют самое серьезное внимание важным, стержневым проблемам развития цивилизации и диалога культур. Следуют заветам великого гуманиста и просветителя Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Уверен, что и нынешний форум пройдет в творческом, созидательном ключе, запомнится интересными, продуктивными дискуссиями, неформальной и настоящей дружеской атмосферой.

Желаю вам успехов.

Президент Российской Федерации Владимир Путин».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется директору Департамента международных организаций Министерства иностранных дел РФ Александру Анатольевичу Панкину.

А. А. ПАНКИН²: — Дорогие друзья! Позвольте зачитать приветствие министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова участникам, гостям и организаторам XVII Международных Лихачевских научных чтений:

¹ Заместитель полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. В 2004–2007 гг. — помощник полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе; в 2007–2008 гг. — заместитель полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе; в 2008–2009 гг. — заместитель начальника Управления Президента РФ по внутренней политике; в 2010–2011 гг. — заместитель полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени.

² Директор Департамента международных организаций МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1-го класса. В 2001–2005 гг. — старший советник Постоянного представительства РФ при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве. С 2005 по 2010 г. — заместитель директора Департамента международных организаций, в 2010–2014 гг. — первый заместитель Постоянного представителя Российской Федерации при ООН в Нью-Йорке. Отмечен благодарностью Президента Российской Федерации, нагрудным знаком «За отличие» МИД России.

«Сердечно приветствую организаторов, участников и гостей XVII Международных Лихачевских научных чтений.

Ваши регулярные встречи в Санкт-Петербурге свидетельствуют о настрое научных и экспертных кругов, широкой общественности различных государств активно способствовать поиску оптимальных решений многочисленных проблем современности в интересах поддержания доверия и взаимопонимания между народами. Их неизменно отличают представительный состав участников, насыщенная, разнообразная повестка дня.

Тема нынешнего форума весьма актуальна. В условиях сохранения старых и появления новых кризисов и конфликтов востребовано сопряжение усилий по их преодолению политико-дипломатическим путем на прочной основе международного права. Любые односторонние шаги, попытки навязывать другим свою волю, ценности, модели развития, наоборот, усугубляют и без того турбулентную ситуацию в мире.

Последовательно исходим из того, что обеспечение поступательного развития и процветания всего человечества невозможно без подлинной демократизации международной жизни, налаживания взаимоуважительного межцивилизационного и межкультурного партнерства. Россия продолжит работать над укреплением здоровых начал в мировых делах, в целом над формированием устойчивой полицентричной системы мироустройства, отвечающей требованиям времени.

Желаю вам интересных обсуждений и всего самого доброго!»

Тема Лихачевских чтений 2017 года «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» очень актуальна. Про сдвиги, вызовы, НАТО, полицентричность, угрозы, терроризм будет сказано немало. Но для того, чтобы наметить контуры будущего, нужно, чтобы это будущее было. Сегодня мы подошли к опасной черте, когда определенные действия могут лишить нас будущего. Поэтому усилия должны быть сосредоточены на том, чтобы сохранить мир и не допустить возникновения глобального конфликта. Для регулирования этих процессов была создана своеобразная Библия — свод законов и принципов, который называется Уставом ООН. Он не устарел за прошедшие 70 лет и адаптирован к современным условиям. Без правил невозможно вести цивилизованную жизнь. Менять правила на ходу, не согласовывая их ни с кем, очень опасно, поэтому в наших дискуссиях внимание, как и прежде, следует уделить основам международного правопорядка, нормам и роли ООН не как института, а как совокупности возможностей, которые позволяют государствам — членам ООН договариваться и определять свое будущее.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется члену Президиума РАН, академику Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Уважаемые коллеги! Продолжая официальную часть, позвольте огласить приветствие исполняющего обязанности Президента Российской академии наук Валерия Васильевича Козлова:

«От имени Российской академии наук приветствую участников и гостей XVII Международных Лихачевских научных чтений!

За прошедшие годы Лихачевские чтения стали признанной и важной площадкой для научных дискуссий по ключевым проблемам современности. Сегодня в центре внимания вашего научного форума такие важные для всех темы, как «Контурь мирового порядка в XXI веке», «Кризис цивилизации: будущее человека и человечества», «Экономика и право: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего». Осмысление стержневых тенденций глобального развития на основе творческого наследия Д. С. Лихачева и его гуманистических идей, призванных способствовать поиску эффективных ответов на общие для всех вызовы. Лихачевские чтения неизменно вызывают интерес отечественных и зарубежных ученых, государственных и общественных деятелей, объединенных пониманием системных сдвигов, которые произошли в глобальном мире, стремящихся определить контуры будущего.

Желаю всем участникам научного форума плодотворных научных дискуссий, личных и профессиональных достижений!

И. о. Президента Российской академии наук, академик В. В. Козлов».

То, что мы сегодня называем вызовами, глобальным миром, глобализмом и так далее, — это проблемы идеологического характера. Причем в настоящее время идеологию продвигает не восточный блок, а западная элита, которая до сих пор не может отказаться от неолиберального глобалистского подхода. В этом смысле роль науки резко возрастает, потому что ложная информация, фейковые сообщения, так называемые альтернативные факты заполнили все информационное пространство. Все шире разрабатываются методы воздействия на сознание масс. И здесь без науки, которая может дать ответ и разобраться в этих хитросплетениях, не обойтись.

Хочу обратить ваше внимание на новую научную теорию, которая полностью соотносится с сегодняшней проблематикой. Она сформулирована академиком РАН, директором Института философии Андреем Вадимовичем Смирновым и получила название «коллективное, когнитивное, бессознательное» (ККБ). Эта теория относится к культуре, сознанию и глобальным проблемам современности: коллективная — к закономерностям развития культуры, когнитивная — к механизмам сознания. В процессе переработки информации сознание всегда опирается на интуитивные запросы, которые реализуются представителями той или иной культуры. Коллективное, когнитивное, бессознательное присуще каждой нации, каждому народу, оно многовариантно. Но на практике крупные агломерации культуры (исламский мир, западный мир, Китай, Индия, Россия) всегда пользуются одним вариантом коллективного, когнитивного, бессознательного, не зависящим от них.

Приведу пример. В истории Запада проходит отчетливое дихотомическое разделение на светское и духовное (музыка, власть и пр.). В мусульманском мире при четком разделении на потустороннее и земное дихо-

томии не возникает. Они могут существовать, только когда существуют вместе и в динамике. То есть личность мусульманина всегда троична. XX век внес коррективы в это понимание. После Первой мировой войны, когда пала Османская империя, к власти пришел Ататюрк, который начал быстрыми темпами строить светское государство. В 1922 году ликвидировали султанат, в 1924-м — халифат, а это духовные скрепы. В 1925 году увидела свет книга «Ислам и основы правления» шейха Абд ар-Раззака, который, в частности, писал, что духовное должно остаться за исламом, а все земное нужно отдать светским институтам. В книге приводятся четкие критерии целесообразности и эффективности. Он предлагал перейти к западной модели и сформулировал теорию культурного ислама, но ее поддержали единицы. В ответ он получил теорию теоретиков-мусульман, которые выступили с концепцией политического ислама, категорически отвергли его теорию, считая ее вмешательством в ислам.

В наше время политический ислам распространяется все шире и дает метастазы в виде «Исламского государства» как крайней степени выражения политического ислама. Причем эти метастазы пока не поддаются никакой терапии, даже посредством бомбардировок. Казалось бы, на этот сложный вопрос можно дать простой ответ, если воспользоваться концепцией «ККБ». Это происходит потому, что культурный ислам посягнул на самое святое для мусульманина — пытался разорвать троичную структуру его личности. А эти процессы могут существовать только совместно и в динамике (сначала доминирует одно, затем — второе), и всегда небесное соотносится с земным. Никакой иерархизации, дихотомизации, разделения быть не может. Но этого не понимают. И чем сильнее культурный ислам давит на ККБ традиционного ислама, тем сильнее сжимается пружина, тем стремительнее она расправляется, причем быстро и силовыми методами.

Сегодня именно это происходит в Ливии, Ираке, Афганистане, Сирии — им навязываются западные модели, а в ответ — война, насилие, терроризм. Что делать? Казалось бы, традиционное мышление предписывает: нужно уничтожить политический ислам и дать дорогу культурному исламу, кроме того, физически нейтрализовать всех террористов. Но нужно следовать не за логическим мышлением, а поступить наоборот, то есть дать право культурному и политическому исламу провести диалог с помощью других цивилизаций. И Россия здесь может предложить концепцию, сформулированную в XIX веке Данилевским и Достоевским, — концепцию всечеловеческого, а не общечеловеческого развития. Всечеловеческое развитие может базироваться на собственных основах, заимствуя положительные идеи из других культур. Если мы сумеем развить этот проект, он станет привлекателен для других государств — это и будет вклад России в новый цивилизационный подход, сопоставимый с масштабом РАН и российских университетов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется председателю Комитета по науке и высшей школе Ад-

министрации Санкт-Петербурга Андрею Станиславовичу Максиму.

А. С. МАКСИМОВ¹: — Уважаемый Александр Сергеевич, члены президиума и участники Лихачевских чтений! Разрешите мне выполнить почетную миссию и зачитать приветствие губернатора Санкт-Петербурга Георгия Сергеевича Полтавченко:

«Дорогие друзья!

Рад приветствовать в Санкт-Петербурге участников и организаторов Международных Лихачевских научных чтений!

За годы проведения этот представительный форум занял важное место в общественной и культурной жизни нашего города. Его участники обсуждают актуальные проблемы современности, опираясь на богатейшее творческое и научное наследие великого просветителя XX века — академика Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Сегодня весь мир переживает непростые времена. Человечество столкнулось с новыми вызовами, масштабы которых не ограничиваются одной страной или континентом. И в этой ситуации чрезвычайно важно строить планы на будущее, действуя на благо всех национальных культурных систем и соблюдая баланс интересов как отдельных государств, так и всего мирового сообщества.

Уверен, что уроки академика Лихачева станут путеводной звездой для всех, кто стремится к миру, добру и взаимопониманию.

Желаю участникам XVII Международных Лихачевских научных чтений творческого горения, плодотворных дискуссий и новых свершений!

Губернатор Санкт-Петербурга Георгий Сергеевич Полтавченко».

Считаю за честь, выступая с этой трибуны, произнести слова Дмитрия Сергеевича Лихачева, непосредственно связанные с темой Лихачевских чтений 2017 года: «Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру уникальные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Эта “великость” России не может вызывать враждебности к ней. Напротив, великая культура примирительна по своей сути». Эти слова Дмитрия Сергеевича должны направлять дискуссии, которые пройдут в рамках Лихачевских чтений.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Предоставляю слово председателю Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам Константину Иосифовичу Косачеву.

¹ Председатель Комитета по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга, кандидат технических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Действительный государственный советник Санкт-Петербурга 2-го класса. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Подготовка кадров для научно-производственного комплекса Санкт-Петербурга», «Информационная система анализа и управления товарными потоками в регионе (в соавт.)», «Высшая школа Санкт-Петербурга: курс на модернизацию» и др. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

К. И. КОСАЧЕВ²: — Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые коллеги! Хотел бы передать вам искренние приветствия и пожелания успешной работы от председателя Совета Федерации (а до этого губернатора Санкт-Петербурга) Валентины Ивановны Матвиенко. Она тепло вспоминала, как в 2009 году выступала с этой трибуны.

Приведу цитату Дмитрия Сергеевича Лихачева из «Писем о добром и прекрасном»: «...чтобы выступление было интересным, выступающему самому должно быть интересно выступать». Признаюсь, мне интересно выступать на Лихачевских чтениях в том числе потому, что они проходят в стенах замечательного Университета профсоюзов. Я здесь впервые и переполнен самыми добрыми эмоциями по поводу вашего вуза.

Жанр мероприятия обусловлен личностью человека, чьим именем освящены эти Чтения. Д. С. Лихачев был бы сегодня счастлив наблюдать уровень интеллектуальной дискуссии и качество мысли, которая пульсирует в этих стенах. Интересна и заявленная тема — «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего». Сегодня мы являемся участниками конфликта нашей страны с западным миром. На Западе пытаются объяснить его либо геополитическими соображениями (дескать, Россия не смирилась с утраченной ролью империи и по-прежнему борется за сферы влияния), либо ценностными. Они у себя уже построили демократическое общество, а мы здесь, по их мнению, даже и не собираемся.

По моему убеждению, этот конфликт значительно более глубокий и обусловлен разным отношением к тому, чем должен управляться мир — силой права или правом силы. Эта известная дилемма не утратила своей актуальности. После Второй мировой войны дискуссии на эту тему не смолкают. Завершение войны и создание ООН вроде бы должны были окончательно утвердить в мире принцип силы права. Но этого не произошло, и в послевоенный период новейшая история демонстрирует сопоставимость этих двух подходов.

В рамках послевоенного периода я выделил бы три эпохи (каждая из них длилась примерно 20–25 лет), три системы и обозначил бы нынешнее время как системный сдвиг к четвертой эпохе. Первая эпоха — 1950–1960-е годы, когда предпринимались попытки реализовать национальные интересы и обеспечить национальную безопасность за счет превосходства над противником, прежде всего военного. Символами той эпохи стали создание ядерного оружия, военных блоков, Карибский кризис и другие события. Гонка вооружений достаточно быстро исчерпала себя как фактор обеспечения национальной безопасности. Стало очевидно, что однозначного военного превосходства над оппонентом и противником достичь не

² Председатель Комитета Совета Федерации РФ по международным делам, кандидат юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол, действительный государственный советник РФ 2-го класса. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Концепция развития международного права в области борьбы с ядерным терроризмом», «Что сегодня на Западе рассматривают как угрозу» и др. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Почета, Дружбы и др. Командор ордена Полярной звезды (Швеция).

возможно. Мир без особых договоренностей вступил во вторую эпоху — 1970–1980-е годы, когда национальные интересы и собственно национальная безопасность стали обеспечиваться не за счет собственного превосходства над противником, а за счет недопущения превосходства противника над собой. Противоборствующие стороны начали договариваться, был подписан первый договор в сфере стратегических вооружений (в 1972 г.), затем договор об ограничении систем противоракетной обороны (1972), появился заключительный акт Первого саммита глав государств и правительств — участников СБСЕ, который проходил в Хельсинки в 1975 году. Начался период, который можно обозначить словом «разрядка». В 1990-е годы распался Советский Союз и соответственно блоки государств. Нам казалось, что мы будем жить в тех же условиях, но более безопасных. Однако произошло прямо противоположное, потому что Запад фактически вернулся к логике мышления первого периода, когда национальные интересы реализуются за счет превосходства над противником.

Мы не перейдем дальше, на четвертый этап, если не ответим на два системных вопроса, которые продолжают будоражить международные отношения. Первый — это соотношение принципов территориальной целостности и права народов на самоопределение (читай: Украина). Второй — соотношение принципов национального суверенитета государств и права на вмешательство (гуманитарное, военное и пр., читай: Сирия). До тех пор пока миром пытаются управлять с помощью права силы, а не силы права, эти две дилеммы будут трактоваться в интересах тех, кто обладает преимуществом и пытается развернуть мир в направлении собственных интересов. Это не отвечает интересам России, поэтому ответы на эти два важных вопроса современности входят в национальные интересы Российской Федерации. Хотелось бы, чтобы Лихачевские чтения способствовали продвижению в решении данной задачи.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну руководителя секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академика Вячеслава Семеновича Степина.

В. С. СТЕПИН: — Сегодня уже почти очевидно, что современная цивилизация вошла в стадию неустойчивости, кризисных состояний и нестабильности. Эти процессы всегда являются своего рода индикатором коренных качественных системных перемен.

При анализе глобальных цивилизационных изменений важно видеть их как сложную системную целостность. Применение стандартного цивилизационного подхода этой проблемы не решает. Необходимо обобщение этого подхода. Таким обобщением является концепция типов цивилизационного развития.

В истории человечества можно выделить два типа цивилизационного развития — традиционалистский и техногенный. Каждый из них включал в свой состав соответствующие виды цивилизаций, отличающиеся друг от друга видовой спецификой, но вме-

сте с тем объединяемые общими типологическими признаками.

В стандартной цивилизационной концепции акцент сделан на специфике различных видов цивилизации. Их различие определяют через особенности культурно-генетического кода, в соответствии с которым они воспроизводятся. Этот код часто не осознается в повседневной жизни, но он определяет наше осмысление, понимание и переживание мира. Об этом говорил в своем выступлении В. А. Черешнев, ссылаясь на работы А. В. Смирнова.

Идея типов цивилизационного развития предполагает выявление в культурно-генетических кодах различных видов цивилизации некоторого инварианта, общего системообразующего ядра, которое объединяет цивилизации одного вида и ограничивает их от цивилизаций другого вида. В качестве такого рода объединяюще-разграничивающего ядра можно выделить ряд ключевых мировоззренческих универсалий (концептов, категорий) культуры, взаимосвязанных между собой и функционирующих в качестве базовых жизненных смыслов и ценностей каждого из типов цивилизационного развития.

С какой системой ценностей и жизненных смыслов мы сталкиваемся, когда говорим о современной техногенной цивилизации? Эта система ценностей складывалась в эпохи Ренессанса, Реформации и Просвещения и затем определяла последующее развитие техногенной цивилизации. Она включала понимание человека как деятельностного существа, преобразующего окружающий мир; понимание деятельности как креативного действия, порождающего качественно новые объекты, состояния и процессы, необходимые для человеческого потребления; идеал инноваций как приоритета над традициями (идеал прогресса); видение природы в качестве своего рода поля, преобразуемого человеком, резервуара ресурсов для деятельности; культ рациональности при доминанте научной рациональности; идеал суверенной автономной личности, не сращенной от рождения с определенной социальной общностью (кастой, кланом, классом, сословием), способной включаться в разные социальные общности; идею власти не только как господства человека над человеком, но преимущественно как господства над объектами (природными и социальными).

Техногенная цивилизация возникла позже традиционалистских обществ, которые были исторически первым типом цивилизационного развития. Длительное время она сосуществовала с этими обществами. Но затем, обгоняя их в развитии, начала оказывать на них возрастающее давление. Как результат, многие из традиционалистских обществ осуществили ряд догоняющих модернизаций, которые переводили их на путь техногенного развития.

Этот тип развития дал множество достижений, но он породил и глобальные планетарные кризисы — экологический и антропологический, создавшие угрозу самому существованию человечества. Разное обострение этих кризисов на современном этапе ставит вопрос о поиске кардинально новых стратегий развития. Есть все основания полагать, что такого рода кар-

динальные изменения могут означать переход к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному. Началом такого перехода должна стать трансформация ценностных оснований техногенной культуры, выработка новой системы ценностей. В этой связи возникают вопросы о предпосылках их формирования в современных социальных переменах, об обнаружении в техногенной культуре точек роста новых ценностей, соответствующих идеалу сохранения биосферы и человечества.

Такие точки роста уже можно зафиксировать. Идея ускоряющегося прогресса сегодня трансформируется в идею устойчивого развития. Меняется представление о природе как о поле для преобразующей деятельности, своего рода кладовой ресурсов. Согласно современной научной картине мира, окружающая нас природа предстает как живой организм, биосфера, целостная глобальная экосистема, с законами развития которой мы должны каждый раз соизмерять свою деятельность.

Наконец, можно зафиксировать изменения в понимании рациональности. Я развил эту идею в связи с постнеклассической рациональностью в науке, показав, что, как только наука начинает работать со сложными человекообразными объектами, меняется тип рациональности как компонент духовной матрицы техногенной культуры.

И последнее: важно проанализировать, что происходит с концептом «власть», как он меняется, что происходит с демократией, правами человека в современной цивилизации. Только проанализировав эти явления, мы сможем оценить сценарии возможного будущего, среди которых немало катастрофических для человека, и их необходимо избежать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — К микрофону приглашается господин Моратинос, министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор нашего Университета.

М. А. МОРАТИНОС КУЙЯУБЕ: — Хочу выразить благодарность за приглашение на Лихачевские чтения и поздравить всех с 25-летием их проведения. Я не первый раз участвую в этом мероприятии: каждый год мне предоставляется возможность приехать в Петербург и обратиться со своими идеями к аудитории, в частности к студентам — это настоящее и будущее России и всего мира.

Ученые, представители общественности со всего мира, принимающие участие в данном мероприятии, пытаются ответить на различные актуальные вопросы. Сегодня мир расстается со старым порядком, старой системой и создает новое мировое устройство. И, конечно, на этом пути возникают противоречия. Необходимо определить, каким будет наше будущее. Нас беспокоит, что произойдет с мироустройством после слома старой системы. Проблема заключается в том, что в рамках нового мироустройства необходимо совместить старую и новую повестки дня. Как сказал господин Косачев, мы должны сочетать территориаль-

ную целостность и суверенитет, противостоять интервенциям, блюсти интересы нации и отвечать на мировые вызовы.

Таким образом, мы пытаемся осмыслить, каким образом традиционные подходы приводят к новым вызовам, с которыми сталкивается дипломатия. Энергетический кризис, кибератаки, военные конфликты, иммиграция, глобальный терроризм — это новая реальность. В США преобладают популистские настроения, в Европе — протекционизм, изоляционизм.

Нужно вместе работать над созданием общего мира. Может быть, это поможет создать новый порядок. Нельзя говорить, что Запад и Восток существуют отдельно. Важны и Запад, и Восток, которые могут вместе создать новый порядок. Свидетельства философского и культурного развития имеются и там, и там. Для того чтобы работать совместно, необходимо вместе идентифицировать риски, которые стоят перед нами. Может быть, таким образом мы сможем более глубоко осмыслить, как меняется мир, а для этого нам нужны и политика, и дипломатия.

В настоящее время остро ощущается дефицит сильных политиков. Мы находимся под тотальным контролем разведки, но тем не менее происходят кибератаки, обмен информацией между президентом и министром иностранных дел, что влияет на принятие решений. Нам нужна великая дипломатия, чтобы принимались адекватные критические решения.

Если мы говорим о новом стабильном порядке, то нужно осознать важность большой дипломатии. В данном контексте можно перечислить даты: встреча в Сан-Франциско, Вторая мировая война, встречи после войны, 2015 год и т. д. Ведущие политики мира должны встречаться, четко формулировать свою волю, создавать общее видение, разрабатывать стратегии. В июне 2017 года в Италии вновь соберется «Большая двадцатка», главы государств должны работать именно в этом направлении. Мы живем в фантастическом мире, хотя в нем много неясных представлений, противоречащих будущему развитию. Ч. Диккенс в «Повести о двух городах» высказался о плохих и хороших временах, о холоде зимы, когда все надеются на летнее тепло. Предлагаю, глядя в лицо вызовам, помнить о том, что скоро наступит лето.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву, судье Конституционного Суда, Почетному доктору СПбГУП.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Площадка Лихачевских чтений, как мне кажется, подходит для того, чтобы сегодня вспомнить чтимого мною моралиста Сергея Адамовича Ковалева. И его выступление 2 марта 2000 года по случаю своего семидесятилетия в Москве, в Доме архитектора.

Константин Иосифович Косачев сказал, что является основным нервом современной политики, — противоречие в международном праве между принципом территориальной целостности и признание права народа на самоуправление. Эти два противоречивых принципа сосуществуют в международном праве.

Не будучи юристом, Сергей Адамович дал следующее определение международного права: «Это архаическое и противоречивое установление, которое и правом стыдно назвать». Конечно, Устав ООН — достижение человечества, но кризис международного права реально существует.

Далее Ковалев, оценивая то, что происходит в Чечне, писал: «На пороге III тысячелетия проливать кровь за самоопределение преступно и глупо, а за сохранение территориальной целостности и подавно». Тогда еще не было современных конфликтов. Он говорил, что часто во всех конфликтах виновата не вполне талантливая национальная интеллигенция. По сути, он предвидел то, что затем произошло в государствах Прибалтики, и в определенной степени оказался пророком. Были созданы «мононациональные государства, которые первым делом принимаются скручивать в бараний рог свои собственные меньшинства и вообще всех тех, кто не разделяет патриотический порыв большинства». Спекуляции на патриотизме всегда оборачиваются национально-патриотической истерией, наносящей огромный вред сознанию и общественной морали, это большое зло.

Вот что сказали Сергею Адамовичу Ковалеву (кстати, украинцу, родившемуся в Сумской области) его друзья-демократы в 1992 году на Парламентской ассамблее СНГ: «Права 60-миллионного народа в 600 миллионов раз ценнее, чем права одного человека».

Далее в докладе Ковалева есть еще одно сбывшееся пророчество. Он говорит о праве выбора: люди имеют право выбрать тот образ жизни, который считают для себя правильным. А если эти люди добровольно выбирают образ жизни, который с точки зрения демократических критериев является преступным? Это главная проблема либерализма, здесь и обнаруживается противоречие.

Либерал Ковалев преодолел в себе либеральные убеждения: «Когда-то я думал, что демократическое международное сообщество в состоянии принудить к цивилизованному поведению тех, кто не готов следовать нормам этого поведения сам. Я думал, что располагаю силой, заведомо превосходящей любые национальные средства обороны. Международному сообществу достаточно только пригрозить нарушителю применением этой силы. Похоже, это не совсем так. Народ может искренне и яростно, до последней капли крови, защищать своих ложных идолов, но допустимо ли во имя испровержения ложных идолов уничтожать народ?».

Далее он говорит о своих новых убеждениях: «Всякая идея, принесенная на штыках, оборачивается имперской, если даже это идея свободы, равенства и братства». Ведь в нашей истории все это уже было. В 1920-е годы большевики тоже говорили: «Железной рукой загоним человечество к счастью. Живи, подлец, по-новому, а не то голову расшибу» (лексика того времени). Это неизбежно ведет к появлению одного типа государства — свирепого.

Новые пророчества Ковалева, высказанные им в 2000 году: «Во что превратится само мировое правительство, во что выродится новый мировой порядок?».

Боюсь, что очень быстро он превратится в полицейскую антиутопию».

Ответ на вопрос «Что делать?», который А. С. Запесоцкий адресовал К. И. Косачеву, может быть, не вполне развернутый, есть в докладе Ковалева. Он пишет, что у политиков своеобразная мораль, если ее вообще можно назвать моралью, и поэтому нужно договариваться на уровне общественных структур. Александр Сергеевич назвал этот формат международным клубом дипломатов. Конечно, традиционно мы будем полагаться на региональные политические структуры, такие как Совет Европы, ЕС. Но, кроме этого, имея в виду специфику политической морали, следует развивать то, что вы сейчас делаете.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну директора Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета, профессора Петра Дуткевича.

П. ДУТКЕВИЧ: — Хочу поразмышлять о том, как страх определяет политику. Страх, по моему мнению, не только проникает в политику, но он сам становится политикой, приобретает системообразующий характер. Страх всегда использовался политиками с разными целями (страх перед мигрантами, мусульманами, популистами и т. д.). На сегодняшний день страх является совершенно иным качественным явлением. Это новый этап развития, где мы переходим от политики страха к страху как политике. Страх здесь является антологической частью концепции политики. Он уже перестал мобилизовать и начал парализовать. Это не страх Фрейда и Хайдеггера, который мобилизовал общество, ставил перед обществом барьеры. Общество и политики пытались его переосмыслить и сопротивляться ему. Сейчас же страх нас просто парализовал.

Почему так произошло? Можно дать три варианта ответа на этот вопрос. Мы используем понятие текущего страха Liquid Fear макросоциолога Зигмунта Баумана, который дал определенный интеллектуальный толчок в этом плане, заметив, что текущий страх отличается от обычного тем, что мы не знаем, как он возник и как на него реагировать. Мы основываем наш ответ, почему так произошло, на его концепции страха.

Первый вариант ответа — мы утратили доверие к основам — либо государству, либо рынку, на которые опирались и в которых видели смысл нашего будущего. С начала XX века и заканчивая последним кризисом 2008–2010 годов мы лишились доверия и к рынку, и к государству. Конец этого процесса — отсутствие доверия к государству и рынку — мы наблюдали во время последнего кризиса, когда доверие к основным регуляторам общественных процессов почти исчезло.

Второй вариант — качество современных элит очень низкое. Политический и экономический классы утратили уверенность в своих теориях. Даже банкиры не верят в то, что говорят, не говоря уже о президентах и премьер-министрах.

Третий вариант — разделение между политикой и властью: политика — о том, что делать, а власть — о том, как делать, управленческая часть политики. Эти

два понятия, которые существовали в рамках национального государства, разделились, потому что перед государством стоят глобальные задачи, а способы решения — местные, локальные. Политики могут много обещать, но потом, когда переходят к действиям, выполняют не более 10 % своих обещаний.

И последний ответ на вопрос, почему это произошло, связан с существенным ростом социального неравенства. В докладе «Оксфам» на последнем Всемирном экономическом форуме в Давосе был сделан вывод, что в настоящее время 8 человек владеют 50 % мирового богатства. В России 10 % населения распоряжаются 75 % национального богатства.

Во-первых, страх в нашем понимании становится элементом проекции политической воли, меняет политическую и социальную системы. Во-вторых, он становится новой политической догмой, суперидеологией. Каждая из существующих идеологий (либерализм, неореализм, популизм и т. д.) включает существенный элемент страха. В-третьих, на сегодняшний день страх — альтернатива легитимизации власти. Если мы все это примем во внимание, то осознаем, что страх не только является проявлением политики, страх и есть политика. И это печально, потому что он делает политику краткосрочной, нестабильной и более авторитарной.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну председателя Федерации независимых профсоюзов России Михаила Викторовича Шмакова.

М. В. ШМАКОВ¹: — Темы, которые мы обсуждаем на Лихачевских чтениях, актуальны не только в России, но и во всем мире. Я участвовал в нескольких представительных форумах в разных странах, где и элиты, и граждане критикуют жизнь и демократию, сложившиеся в их государствах, неравенство, которое нарастает в этих государствах, о чем сегодня говорили и выступающие.

Сейчас наступил этап переосмысления философских подходов к тому, как дальше должны развиваться цивилизация и человек. И здесь вновь на передний план выдвигается тезис, что философия — наука наук.

¹ Председатель Федерации независимых профсоюзов России, вице-президент Международной конфедерации профсоюзов, вице-президент Европейского совета профсоюзов, Президент Всеобщей конфедерации профсоюзов. Председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП. Автор научных трудов и книг по вопросам социально-трудовых отношений, социальной политики, теории и практики рабочего и профсоюзного движения, в т. ч.: книги «За достойный труд» — избранное выступления и публикации; статей для научных сборников, среди них — «Совершенствование деятельности профсоюзов в условиях глобализации», «Двадцать лет на защите трудовых прав и жизненных интересов работников»; учебных пособий для профсоюзных работников и активистов: «ФНПР в меняющемся обществе» и др.; руководитель авторских коллективов «Комментария к Трудовому кодексу Российской Федерации», книги «История профсоюзов России». Координатор Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ. Президент Института профсоюзного движения, председатель Совета попечителей, почетный профессор Академии труда и социальных отношений. Награжден орденами «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» III, IV степени.

Если мы не найдем ответов на вопросы в философии и культуре, то не найдем решений ни в одном из направлений. Я согласен с выводом академика Степина, что сейчас имеет место техногенная цивилизация. Она развивается и дает все новые плоды, но в то же время ставит перед нами все новые вызовы.

На форумах, в которых я участвовал, обсуждалось будущее мира труда. Но мы не вполне представляем себе, что каждый человек живет трудом. Любая деятельность (даже биржевые спекуляции) — это труд. Но в мире труда становится все меньше, а людей, которые хотят выразить себя в трудовых процессах и отношениях, — все больше. Технологическая, цифровая революция, роботизация ведут, с одной стороны, к увеличению богатства каждой страны, росту производства, с другой — оборачиваются сокращением рабочих мест и отсутствием работы. В течение ближайших десяти лет исчезнут многие профессии, в том числе такие, как бухгалтер, журналист, водитель и т. д.

Сегодня уже имеются технологические ценности, основанные на платформенной занятости. Яркий пример — такси Uber, когда нет посредников, есть только заказчик и исполнитель работы, которые связываются через цифровую платформу, и затем эта услуга становится доступной тому, кто ее заказал. Такие технологические, цифровые платформы получают распространение во многих областях деятельности человечества. Но это влечет за собой временную работу, случайные заработки и значительное сокращение постоянных контрактов. Поэтому сейчас ведутся споры о том, как выйти из этого положения, но при этом исследуется вопрос о создании новых рабочих мест.

Хочу предложить философам, собравшимся здесь, другой подход — вернуться к идеям марксизма и выводам Маркса, которые он высказал 150 лет назад. От них сейчас все отказались, считают, что это пройденный этап, опорощенное прошлое. Мы не осознаем того, что такое безусловный базовый доход, который отвергли швейцарцы: предполагалось, что каждому гражданину ежемесячно будет выплачиваться определенная сумма, но не будет постоянной работы. А дальше если человек заработает какие-либо средства, кроме этого, на случайной работе, он будет жить лучше, стремиться повышать свою квалификацию, становиться все более востребованным работником. А если нет, то, значит, будет жить только на прожиточный минимум, который даст возможность нормально существовать, но на низком уровне в рамках своего государства.

Давайте вспомним тезис Маркса о том, что самой большой ценностью является свободное время. Может быть, нужно изменить подход и к трудовому праву, и к организации работы, чтобы работать не 40 часов в неделю (сейчас предлагают установить 60 и даже 80 часов в неделю, изменить трудовое законодательство и вернуться в XIX в.). Лучше сделать так, чтобы 10-часовая занятость в неделю приносила доход, компенсирующий 40- или 60-часовую рабочую неделю. Поэтому сегодня в Финляндии, Испании, Кении, где проводятся эксперименты по введению безусловного базового дохода, фактически строится коммунизм, но пока на низовом уровне.

Я вижу в данном случае философскую задачу, которую надо осмыслить. Потому что противоположные тенденции — создание новых рабочих мест и увеличение рабочего времени — с моей точки зрения, не приведут к прогрессу. Все экстремистские движения играют именно на этой струне.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется выдающемуся философу, академику Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Тема Лихаческих чтений этого года содержит слово «будущее». Это понятие переводит наше обсуждение в новую плоскость. В предыдущие годы мы в основном рассматривали проблемы глобализации в горизонтальном аспекте: диалог культур, взаимодействие различных народов, Восток–Запад, геополитика, а понятие будущего обязывает нас обратиться к историческому аспекту. И реальные политики в этом смысле нас опередили. Президент Франции Э. Макрон победил, создав движение под названием «Вперед». Хиллари Клинтон организует движение под названием «Вместе вперед». Д. А. Медведев, когда был президентом, написал статью «Россия, вперед!». А что впереди?

Что представляет собой будущее? Один из возможных вариантов ответа связан со временем. В Чикагском университете уже более 70 лет (начиная с 1947 г.) на бюллетене ядерных исследований изображают символические часы Судного дня, указывающие на угрозу глобальной катастрофы, на которых стрелки приближаются к «ядерной полуночи», причем минутная стрелка отстает на минуты. Решение о переводе стрелки принимает совет директоров этого авторитетного журнала, а также приглашенные эксперты (около двадцати лауреатов Нобелевской премии). В 1947 году, когда эти часы были установлены, минутная стрелка отставала от полуночи, этого ядерного апокалипсиса, на 7 минут. Наиболее оптимистический вариант был представлен в 1991 году — стрелка отставала на 17 минут, последние два года — стрелка застыла на трех минутах до полуночи. После избрания Трампа президентом минутная стрелка передвинулась на 30 секунд вперед, ближе к «ядерной полуночи», и сейчас отстает на 2,5 минуты. Это один из возможных вариантов того, что ждет нас впереди.

Чтобы разобраться с будущим, важно провести одно методологическое различие. В данном случае я отталкиваюсь от точки зрения А. А. Зиновьева, которую он высказал в работе «Фактор понимания»: нужно различать физическое и социальное время. Физическое время фиксирует последовательность событий в мире, при этом события — только опорные точки для абстрагирования, сами по себе они не имеют значения. Социальное время фокусирует внимание на событиях, реальной жизни во времени. Соответственно этому различию будущее выглядит по-разному. Скажем, будущее в аспекте физического времени — все то, что происходит после момента исчисления, именно этот момент считается настоящим. Настоящее — миг, идеальная точка, которая отделяет прошлое от будущего.

В аспекте социального времени настоящее имеет свою протяженность, оно входит в пространство самой человеческой деятельности. В аспекте социального времени будущее открыто, доступно для воздействия человека. Это не просто то, что происходит после границы, которую мы обозначаем как настоящее, а именно то, на что нацелены наши действия. В данном случае будущее — некий резервуар для исторического творчества. Здесь на первый план выходит вопрос о том, каким будет это будущее.

Существуют две версии ответа. Первая — когда будущее рассматривается как простая пролонгация настоящего, то, что есть сейчас, но чуть лучше и т. д. Сегодня, например, много говорят и на нашем заседании говорили о разрыве между богатыми и бедными, ставился вопрос о том, чтобы этот разрыв не был настолько большим, как сейчас, но вовсе не о том, будет ли он в принципе преодолен. Второе понимание будущего связано с качественным преобразованием настоящего, идеалом, прорывом в новое состояние, новый тип цивилизации.

Что за будущее скрыто за лозунгом «Вперед!»? Действительно ли это будущее в социальном содержании данного понятия? На самом деле речь идет о пролонгации настоящего, о подчищении того, что имеет место сейчас. Но не о будущем в социальном, историческом смысле, которое связано с качественным преобразованием. Поэтому современную ситуацию в России и в странах Запада в том, что касается отношения к будущему, можно охарактеризовать так: мы находимся в ситуации будущего без будущего. Речь нужно вести о том, можем ли мы вернуть и как нам вернуть будущее в нашу практику как реальный и работающий феномен.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется министру Турции по связям с Евросоюзом Эгемуну Багису.

Э. БАГИС¹: — Для меня большая честь выступать в одном из самых престижных университетов России. Хочу поблагодарить господина Марка и господина Запесоцкого за то, что они навели мосты между Россией и другими странами. Я принял приглашение выступить в Санкт-Петербурге, потому что верю в будущее наших отношений и горжусь тем, что могу стать членом этого интеллектуального клуба.

Все выступавшие подчеркивали важность сотрудничества и диалога. Мы живем в сложное время, когда никто не может чувствовать себя в безопасности, если остальные подвергаются опасности (Вашингтон не может игнорировать Северную Корею, а Лондон — то, что происходит в Кашмире). Мы должны поддерживать друг друга и вместе бороться с общими угрозами, прежде всего против терроризма. Ни одна страна в одиночку не справится с терроризмом. Подобные встречи очень важны, и я рад, что мы собрались в за-

¹ Министр Турции по связям с Евросоюзом (2001–2013). Автор ряда научных публикаций в журналах и множества статей в национальных и международных газетах. Председатель экспертного совета научно-исследовательского центра «Платформа глобальных проблем».

мечательном городе Санкт-Петербурге, чтобы обсудить общее будущее. Важно, чтобы мы совместно решали возникающие проблемы.

Сегодня Турция и Россия развивают стратегические отношения. Турция ежегодно принимает большое количество российских туристов. Объем прибыли нашего государства от туристической индустрии составил 25 млрд долларов, что во много раз больше, по сравнению с другими странами. Сегодня Турция является одним из центров энергоресурсов, поставляемых из России. Но наши добрососедские партнерские отношения вызывают зависть у представителей других стран. Предатели интересов Турции пытаются мешать развитию отношений между нашими странами и руководителями, президентами Путиным и Эрдоганом. Необходимо понять источники проблем и попытаться решить их, что позволит нормализовать наши отношения. Мы должны сосредоточить внимание на дружбе между Россией и Турцией.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Валерию Леонидовичу Макарову.

В. Л. МАКАРОВ: — Мне кажется, будущее быстро ускоряется. Вячеслав Семенович говорил, что мы, проживая в технологическом мире, движемся в цифровой мир, где многие вещи меняются, в том числе этические представления, социальные нормы. Например, во всех религиях, культурах считается, что убивать — плохо, но если война, то, наоборот, хорошо, чем больше ты убьешь врагов, тем лучше. Сейчас понятие мира и войны в цифровом мире очень изменилось, граница исчезла. И получается так, что то, что раньше казалось плохо, например врать, обманывать и тому подобное, теперь, когда разница между войной и миром стирается, стало очень модным, и чем красивее ты врешь, тем выше твой рейтинг. Если вы заглянете в Интернет, то там вообще не отличишь, когда говорят правду, а когда врут, настолько все перепутано. Все это так ускорилось именно в цифровом мире.

Еще один немаловажный момент, который относится непосредственно к цифровому миру, — это понятие доверия. Оно сейчас коренным образом меняется. Наверное, все слышали, есть такая технология Blockchain, которая начиналась в криптовалюте, а сейчас очень быстро распространяется. И понятие доверия благодаря этой технологии связано с тем, чтобы оно распределялось между людьми более или менее равномерно и т. д. Поэтому нормы, относящиеся к доверию, сейчас надо будет пересматривать. И у юристов, которые будут этим заниматься, возникнут очень большие трудности.

И последнее, о чем я хотел бы сказать, это то, что в цифровом мире сейчас засилье баз данных, которые становятся все более мощными. Мы все уже сидим в разных базах данных, более или менее глобальных. К чему это ведет? К тому, что мир становится более прозрачным, и скоро все будут знать обо всех во всех подробностях. Так вот, знание каждого о каждом сильно изменит разные вещи и нормы, в том числе законодательные. Я хочу всех предостеречь. В нашей дискус-

сии рассматриваются и обсуждаются многие глобальные вопросы. Это абсолютно правильно, но имейте в виду, что в цифровом мире настолько все изменится, что нам придется использовать совсем другой подход. Так что, Александр Сергеевич, на следующих Лихачевских чтениях я предлагаю больше говорить о цифровом мире и о последующих трансформациях.

Г. КЁХЛЕР: — Уважаемый господин ректор, дамы и господа. Тема моего выступления связана с мировым порядком в переходную эпоху. Международные дела, их состояние сейчас не нуждаются в дальнейшем обсуждении, например уже можно с уверенностью сказать, что в этом порядке царствует хаос. А говорить о глобальном порядке хаотичной системы достаточно трудно. Мы можем думать о правилах, которые могут обеспечить стабильное развитие на основании законов, о чем мы, может быть, сможем договориться. Нам нужно понимать причины ситуации, в которой сейчас оказался мир, в частности Запад. Эти причины связаны с коллапсом мирового порядка, который характеризовался как биполярная система, то есть система, в которой существовал баланс власти между США и Советским Союзом. И это продолжалось, наверное, до начала 1990-х годов.

Что же случилось, когда распалась эта система? Мы такое уже видели в истории. Появился некий решающий фактор противостояния власти, связанный с иллюзорными подходами. И центральная власть стала отличаться высокомерием, надменностью, заносчивостью. Я говорю о 1990-х годах, когда такая власть высокомерно думала, что сможет разобраться в ситуации, остановить развитие истории (знаменитый лозунг Фукуямы «Конец истории») и смоделировать мир по своему. Это значит, что-то навязать всему остальному миру — систему политики, например демократию, систему принятия решений, экономическую систему — и перереформировать другие цивилизации. Так думала высокомерная власть, в частности западная: все перековать на собственный, западный манер. И это высокомерие власти, те иллюзии, которые позволяли думать, что она раз и навсегда установит порядок в соответствии с ее собственной моделью, — это именно то, что запустило дальнейший процесс, который мы наблюдаем сегодня. Это своеобразный клинч цивилизаций, и в 1990-х были сказаны важные вещи, намечилось самоосуществляющееся пророчество.

В то же время делается акцент на самодостаточное глобальное управление как вектор холодной войны. Такие подходы к властвованию теперь презентуются нам как обратная цепная реакция, если хотите, то, что было запущено как противостояние тенденциям. Люди в разных уголках мира, представляющие различные цивилизации, теперь хотят настоять на собственной системе ценностей, идентичности, утвердить ее в более настоятельной манере, чем могло бы быть, если бы не было попыток самонадеянных властей установить свой порядок в управлении миром, навязать ему один паттерн. На самом деле можно говорить о том, что недавно было провозглашено: что ситуация никогда не должна складываться таким образом, чтобы такая самонадеян-

ная власть снова привела нас к повторению негативных явлений. Мы теперь больше думаем о мультиполярности, многополярности, и, может быть, через 10–20 лет увидим результаты этого.

Сегодня мы должны понять, что настал решающий момент: мы можем переформатировать мир, помочь ему встать на дорогу, ведущую к многополярности. Помню, что было сказано некоторыми нашими участниками. Одна из главных проблем сейчас заключается в том, как новый многополярный порядок должен быть отформатирован. Можем ли мы говорить, например, о системе правил? В той системе правил, которой мы сейчас оперируем, очень много противоречий. А можем ли мы говорить о суверенитете, равенстве, невмешательстве? У нас есть Хартия, Устав ООН, но даже в них есть противоречия, в частности между Уставом и национальными юридическими системами. Нам нужно новое глобальное мышление, и как раз об этом говорил господин ректор. Нам нужно обращать внимание на эти противоречия и выходить с предложениями, которые помогут создать живую и способную к жизни систему во благо всех наций. Мы мечтаем, чтобы все нации смогли объединиться на этой земле в мультиполярном мире.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, предлагаю вашему вниманию выступление Почетного доктора нашего Университета академика Петра Петровича Толочко (Украина).

П. П. ТОЛОЧКО: — Дорогие коллеги, тема будущего — вечная. И на каждом этапе истории человечество размышляет, как бы сделать мир лучше. Но мир традиционен, он развивается на основании противоречий, и противоречия эти очень стабильны, они не меняются. Могу продемонстрировать это на одном примере: славянские Восток и Запад. Тысячелетия проходят, а противостояние остается. В советское время мотивировали это тем, что сложилась другая система. Но в царское время была система такая же, сегодня система такая же, а противостояние никуда не исчезло. Есть какие-то глобальные закономерности развития, не позволяющие обрести гармонию, о которой мечтает человечество.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев сказал, что будущее будет такое, каким мы его сделаем сами. Казалось бы, такая простая, но мудрая мысль. Будущее ведь создает не то «племя младое, незнакомое», которое сидит и слушает нас, а те седовласые мужи, которые выступают здесь. Ну, это я образно. У нас была надежда, что что-то изменится: придет Трамп, возможно, Фийон придет, а Меркель уйдет. Но оказывается, ничего этого не происходит. Абдусалам Абдулкеримович говорит, что нас ждет будущее без будущего. Будущее будет такое, какое оно сегодня.

Есть какая-то житейская мудрость в том, что мы собираемся здесь и говорим об этом. Мне думается, что наша сверхзадача, и конкретно наша, и глобально, — не сделать мир лучше, может быть, это непосильная для нас задача, но сделать так, чтобы он не стал хуже. Вот это, возможно, мы сможем сделать. Профессор Дуткевич высказал прекрасную идею, она

у меня в докладе тоже есть, — это страх. Он сегодня, мне кажется, в противостоянии России и Запада в большей мере спекулятивный. Ведь и Прибалтийские страны, и Польша, и другие знают, что на них никто нападать не собирается. Но их власти усиленно пропагандируют эту идею страха среди своих граждан, вот-вот их кто-то оккупирует, уничтожит и т. д. А поэтому из-за океана идут трехтысячные корпуса воинов, по 100 танков, у границ с Россией проходят маневры. Это тоже идея спекулятивного страха. Может быть, стоит от нее отказаться? Но, видимо, этим малым державам чего-то не хватает, потому что с приходом военных и инвестиции какие-то поступают, и рабочие места создаются. То есть они на этом спекулятивном страхе наживаются. Может быть, западным странам, в том числе Соединенным Штатам, стоит отказаться от этих дотаций, нагнетания страха, не дающего миру спокойно жить и нормально развиваться?

Вот такие проблемы стоят на повестке дня, и их нужно решать. Повторяю, наверное, мы с вами собираемся здесь и участвуем в других подобных форумах, чтобы мир хотя бы не стал хуже. Когда к власти пришел Трамп, я в это время как раз писал свой доклад, везде была эйфория, но даже тогда я не думал, что ожидания оправдаются. И я там написал фразу, что Соединенные Штаты и Россия друзьями никогда не станут и любить друг друга никогда не будут, но если они не станут врагами, то это уже хорошо и миру от этого будет спокойнее.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Вашему вниманию предлагается выступление выдающегося итальянского философа академика Агацци.

Э. АГАЦЦИ: — Дорогие друзья и коллеги, это очень важный форум для меня. Я в нем участвую впервые, но знаю, что здесь рассматриваются важные проблемы. Хотел бы остановиться на идее глобализации, которая практически всегда идентифицируется с экономическими, финансовыми вопросами. Где бы это ни обсуждалось, что бы ни произошло, например в Гонконге, это сразу же отражается на том, что происходит в Токио, Лондоне, Москве, Варшаве, где угодно. Мы наблюдаем сжатие пространства и расстояний, как Маршалл Маклюэн уже когда-то сказал: «Мы получаем глобальную деревню». Вот что такое глобализация. Мы видим, как товары и люди в условиях глобализации сближаются друг с другом. И мы видим качественные изменения, которые имеют место. Но надо отметить, что раньше были очень ограниченные связи между отдельными людьми, странами, а сейчас мы становимся составной частью новой страны, которая имеет глобальный размах.

Сегодня мы видим бесчисленные тысячи, мегатонны различных явлений, протекающих одновременно, чего ранее не наблюдалось. Каковы же причины этого? В войнах, политическом преследовании и бедности. Конечно, можно пытаться устранить эти причины, но я не буду сейчас об этом говорить. Давайте посмотрим на это под определенным углом зрения,

в рамках определенной теории. Каждая система состоит из ряда подсистем, каждая из которых имеет свои функции, и существуют определенные статичные равновесия между этими составными частями, гарантирующие нормальное функционирование всей системы. Что происходит, если на них оказывается какое-то внешнее воздействие? Разрушается система, нарушается это равновесие, создается новая система. И сегодня происходит именно это.

Не буду сейчас говорить о существующих возможностях и путях преодоления проблем, но как нам в будущем обеспечить такое равновесие? Конечно, невозможно, и может быть, неправильно полагать, что из этого родится ассимиляция. Мы видим, что у разных наций перемешиваются традиции, способ мировосприятия и т. д. Невозможно не учитывать, насколько важной является эта система идей, жизненных идеалов. И очень прискорбно, если для того, чтобы найти свое место в мире, люди должны отказываться от своей самобытности, культуры и личности. Это саморазрушение личности человека ужасно.

Что же мы должны сделать в будущем? Надо создать такое мироустройство, чтобы в каждом регионе мира, в каждой культуре разных регионов сохранялись ценности и самобытность, которые бы взаимодействовали между собой. Они должны быть открыты для взаимодействия, а это означает признание того, что плюрализм — это не просто стратегия, обеспечивающая спокойную жизнь. Плюрализм означает раскрытие нашего разума для диалога, и это раскрытие разума состоит не только в том, чтобы слушать других, но и в том, чтобы учиться у других, почерпнуть что-то полезное для себя. И только таким образом мы сможем создать лучший мир и лучшее будущее для наших цивилизаций.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется иностранному члену РАН академику Владимиру Львовичу Квинту.

В. Л. КВИНТ: — Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые коллеги! К счастью, моя тема и направление исследований позволяют мне в максимально возможной степени уходить от политики и концентрироваться на вопросах экономики, ценностей, интересов и реализации нового уровня качества жизни, к которому, в общем-то, мы все стремимся, а мы все стремимся к прогрессу. В целом экономические процессы развиваются, формируются и умирают под воздействием различных глобальных закономерностей, и эти закономерности сильнее всего влияют на экономические процессы. Их в основном невозможно изменить, к ним надо уметь приспосабливаться, уметь использовать в своих интересах. И надо понимать, что каждая закономерность имеет срок жизни, рано или поздно она начинает снижать свое влияние. Вот, например, такая глобальная закономерность, как интеграция. Международная экономическая интеграция как подсистема в значительной степени повлияла на тот мир, в котором мы живем. Но что произошло? Под воздействием этой закономерности стали меняться и политические

системы, а не только экономические, социальные. Стали появляться идеи такой интеграции — внутри стран, международной, наконец, глобальной, — чтобы формировались органы, которые не только координируют экономические связи и компенсируют социальные проблемы, но и принимают политические решения. Как только возникают такие идеи, позитивная идея интеграции сразу же начинает пробуксовывать.

Что случилось с Европейским Союзом? Пока там превалировали идеи экономической интеграции, роста уровня жизни людей, открытости границ — все было нормально. Но когда несколько лет назад, в 2007 году, появилась идея создания европейской конституции, по которой бы жил Европейский Союз; единого парламента над европейскими парламентами, который до сих пор действует, но не так престижен, как парламенты национальных государств; национального правительства, решения которого должны быть обязательны для стран-участниц, то это не понравилось не только странам за пределами Европейского Союза, но и странам внутри Союза. И они провалили голосование по принятию европейской конституции. И слава богу. Не может быть правительство, назначаемое неизвестно кем, и какой-то ареопаг, который правит миром. Но постепенно из нескольких глобальных трендов, в том числе интеграции, вырос новый тренд — глобализации, усиленный трендами научно-технического развития и идеями экономической, я подчеркиваю, экономической свободы. И возникло новое, вначале экономическое, а теперь в значительной степени социально-экономическое явление — глобальное рыночное пространство, на котором взаимодействуют рынки, продукты, корпорации и сами государства с точки зрения повышения эффективности экономических взаимодействий.

Под воздействием глобализации, когда стали открываться границы — политические, экономические и технологические, в том числе под воздействием современной информационной революции, — возникло новое социально-политическое и экономическое явление — глобальное сообщество. Сегодня Александр Сергеевич, открывая пленарное заседание, говорил об этом. Но глобальное сообщество тоже нуждается в открытости. О какой открытости я говорю? Инвесторам, бизнесу нужна свобода, но сегодня больше всего иностранных инвестиций идут в Китай. А в Китае, между прочим, однопартийная система. Значит, инвесторов интересуют прежде всего экономическая свобода и степень возможности принятия экономических решений, роста производительности труда на этой основе и т. д. Когда стал формироваться глобальный рынок, который не совсем соответствует мировой экономике, это разные категории по объему, внутри глобального экономического пространства возник глобальный формирующийся рынок с новыми рыночными отношениями, куда входят и Китай, и Россия, и страны Восточной Европы, и даже некоторые из членов Европейского Союза. И здесь прослеживается несоответствие политических и экономических границ. Таким образом, мировое глобальное сообщество, медленно формирующееся и развивающееся, должно найти новую парадигму,

которая позволила бы поднимать уровень экономической свободы, экономического прогресса и процветания человечества, избегая политических конфликтов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется нашему гостю из Швеции господину Шолте.

Я. А. ШОЛТЕ: — Господин Запесоцкий, спасибо за приглашение принять участие в этом диалоге. Эти Чтения посвящены глобальным вызовам, и поэтому я хотел бы сначала остановиться на вопросе, что такое о глобальность, а потом поговорить о либеральной и альтернативной глобальности. Что же такое глобальность? Мы живем во все более глобализованном мире, и людям все проще находить друг друга в этом мире благодаря Интернету. Глобальность также проявляется и в возникновении все новых болезней, и в Интернете, и в различных спортивных мероприятиях. Все это вместе возведено в одну систему, и мы получаем новый глобальный мир. Возникает вопрос: что делать в этом новом мире, в котором изменилась география? Это теперь означает не только страны и географию, меняются правительства, идентичности, и один из подходов к этому — либеральная глобальность. Это понятие родилось в 1990-х годах, когда возникла идея сделать мир более глобальным, отказаться от контроля за людьми, за операциями, приватизацией, когда произошло снижение роли государства и т. д. И тогда считали, что это приведет к экономической устойчивости, миру и согласию. Но сейчас мы видим, что возникла антиглобальная тенденция, направленная на прежний либеральный подход к глобальности, который принес скорее потери процессу развития мира. И как реакция на это родилось антиглобалистское движение.

Хотел бы здесь отметить следующее. Это не новость, что в 1990-х годах тоже возникали антиглобалистские движения в разных частях света, в частности в Латинской Америке. И, кроме того, нельзя преувеличивать размах антиглобализма. На самом деле антиглобалистское движение не такое распространенное, как нам кажется. Так что, если мы говорим о глобализме или антиглобализме, как уже отмечалось другими выступающими, надо, видимо, говорить об альтернативном глобализме. Но для этого надо проявлять творческий дух и правильно подходить к глобальному миру. Возможно, требуется ввести новые правила управления глобальной экономикой, нормы, которые будут учитывать денежные вопросы и интеллектуальную собственность и обеспечивать более равномерное распределение различных ресурсов. Если мы стремимся к достижению положительных результатов от глобального разнообразия, надо подходить к этому также с учетом того, что, конечно, нельзя отделяться, не общаться друг с другом. Нам надо думать о том, как развивать наш диалог между цивилизациями.

В современном мире мы не можем развивать производство так же, как в прошлом, не задумываясь об экологии, об изменении климата. Нам нужна новая экологическая политика, и надо найти варианты проведения правильной политики в новом мире. И, конечно, надо

думать о демократии, которая могла бы действовать в условиях глобального мира. Я говорю не о либеральной ценности, а о том, что нам нужна не просто американская, российская или еще какая-либо демократия, но та, которая будет направлена на достижение интересов всего человечества. Думаю, что перед нами стоят огромные вызовы. И для того чтобы их разрешить и преодолеть, помимо интеллекта и творчества, нужна политическая воля. И чтобы все это работало, нам необходимы мужество, интеллектуальная прерогативность и решительность.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Выступает господин Вятр, доктор социологии, профессор, на протяжении ряда лет министр образования Польши.

Е. Й. ВЯТР: — Дорогой Александр Сергеевич, дамы и господа, еще раз хочу поблагодарить за приглашение на этот замечательный форум, в котором я с интересом участвую уже много лет. Мы живем в необычной международной ситуации, когда надежды сменяются страхами. В последние 15 лет в странах Европы было проведено много исследований, показавших, что люди не исключают мировую войну в ближайшие десятилетия. Это новое явление, потому что ранее, после окончания холодной войны, напротив, год от года становилось больше оптимизма. Что же случилось?

Можно долго рассуждать о ценностях и их различном понимании. Но я хотел бы сказать вот о чем. Во второй половине XX века в мире были две основные идеологии, и их противостояние привело к холодной войне. Мы сумели это преодолеть и надеялись, что опасность миновала. Однако новая реальность показывает, что это не так. В настоящее время сформировались новые идеологические паттерны, появилась тенденция к замене диалога единой идеологией. Когда-то Джордж Буш, будучи президентом США, сказал, что Господь поручил Соединенным Штатам миссию — распространить демократию на весь мир, а его задача как президента — проследить, чтобы эта миссия была выполнена. И мы понимаем, что эта идеология, точнее, попытка установить идеологическую гегемонию США в мире, доминировала в политике администрации Буша. Одним из ее результатов стало ухудшение отношений с Российской Федерацией.

Думаю, что разумным и достойным ответом на тенденцию идеологического доминирования может быть только диалог. Это подразумевает не только умение говорить, но и стремление услышать другую сторону и принять то, что может быть сочтено резонным.

Когда-то считалось, что в мире есть два государства, от которых зависит судьба человечества на Земле, и одно из них — СССР. В разных частях мира предпринимались попытки противостоять идеологическому доминированию. В моей стране также идут разговоры об опасности, но я не разделяю эту точку зрения, а вижу, наоборот, больше возможностей для того, чтобы вести конструктивный диалог и добиваться установления определенного баланса. Поэтому хочу пожелать успеха всем, кто пытается заменить идеологическую конфронтацию значимым, содержательным диалогом. И я верю,

что наши Чтения — проявление благородных усилий по налаживанию такого диалога.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прежде чем предоставить слово следующему докладчику, хотел бы ознакомить вас, уважаемые коллеги, с некоторыми приветствиями, поступившими в наш адрес. Вот телеграмма от Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева, неоднократно бывавшего в нашем Университете: «Нужно укреплять гуманитарное сотрудничество, научные и общественные связи, ярким примером которых служат Международные Лихачевские чтения. Полагаю, что они вновь предоставят вам хорошую возможность обменяться мнениями, поделить опытом и наметить совместные проекты. Желаю Вам интересных и плодотворных дискуссий, а иностранным участникам еще и ярких, незабываемых впечатлений от пребывания в Северной столице России».

Фрагмент из телеграммы спикера Государственной Думы Российской Федерации Вячеслава Викторовича Володина: «Чтения являются важной научно-общественной площадкой, на которой многие годы проходят полезные дискуссии по актуальным гуманитарным проблемам. Предложения и рекомендации, выработанные в ходе Чтений, имеют большое практическое значение, в том числе для законотворческой деятельности».

А вот что пишет министр культуры Владимир Ростиславович Мединский: «Отмечу, что Лихачевские научные чтения, неизменно проходящие в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, из года в год объединяют выдающихся представителей российской и мировой научной мысли. От всего сердца желаю вам дальнейших творческих достижений в благородном деле служения российской культуре».

«Желаю организаторам и участникам научных Чтений успешной и продуктивной работы», — говорится в послании министра труда и социальной защиты Российской Федерации господина Топилина.

Мы также получили замечательное письмо от главы ЮНЕСКО госпожи Боковой, которая очень высоко оценивает деятельность участников Чтений и желает нам новых успехов. Оргкомитет от вашего имени благодарит всех господ, направивших нам свои приветствия.

А сейчас приглашаю на трибуну гостя из Испании посла Хуана Антонио Марка.

Х. А. МАРК: — Спасибо большое, господин ректор. У нас немного времени, поэтому я сосредоточусь на основных темах. Сегодня мы обсуждаем системные изменения, вызовы и контуры будущего.

Первое большое и главное изменение, которое мы видим в наши дни, — люди, индивидуумы. Именно люди, в том числе молодые — огромная движущая сила в современном мире. Почему? Потому что появились технологии, которые дают возможность общаться, обмениваться идеями и воплощать их в жизнь. Посмотрите, что произошло с кампаниями, которые обеспечивают полеты на самолетах. Отдельные люди трансформировали всю отрасль авиатранспорта, создав ком-

пании-лоукостеры. А что происходит с перевозками пассажиров такси? А в медицинской промышленности? Отдельные личности держат в руках ключи от всего мира. Это означает, что необходимо так организовать общественное пространство, чтобы в нем не было барьеров и границ для индивидуумов.

Перед нами открываются две возможности: либо мы будем двигаться к такому мировому порядку, когда глобальная власть будет неким рефери, инструментом, обеспечивающим всеобщее процветание, либо, напротив, мы вернемся в свои национальные раковины, которые дают нам ощущение локальной безопасности. Но нации во все времена конфликтовали между собой. И второй вариант не сильно привлекает молодое поколение. Если же мы выбираем первый путь, то, возможно, нам придется чем-то жертвовать, но прежние подходы в любом случае не будут работать в новой действительности. Единственно возможный выход — идти к глобальному мировому порядку с помощью глобального рефери, стоящего на защите прав человека.

Далее. Почему надо избегать тех, кто проиграл, кто потерял все? Почему и как это происходит? Мы знаем ответ: изменяется конкуренция в частном секторе и т. д. Но есть и другие элементы, способствующие установлению определенных политических систем. Что здесь опасно? Это накопление власти лидера — в России, США, Европе. Почему лидеры могут прийти к клинчу? Мы знаем, что, например, реальной проблемой является старение населения. Есть общества с богатейшим культурным наследием, в которых, однако, не ведется никакой работы с некоторыми категориями населения — ни со старшим поколением, ни с молодежью. Это большая проблема. Лидеры не адресуют им свои обращения.

Есть еще одна проблема: лидеры некоторых стран опасаются открытого мира, потому что боятся, что не смогут конкурировать на современном уровне. В глобальном мире мы должны уметь отдавать, но они не всегда знают, как это делать. Но только при этом условии мы можем проектировать и формировать пути развития для человечества. Посмотрите на Китай. За тридцать лет, 1952 до 1982 года, они нарастили доходы от 300 до 380 долларов на душу населения в год — добавили всего 80 долларов. Но за следующие десятилетия, к 2016 году, они совершили огромный рывок: от 380 до 8 тыс. долларов! Для этого им пришлось преодолеть огромные сложности. Возможно, нам следует брать с них пример. Единственный способ, который может обеспечить выживание Европы и России в будущем, — запуск крупных проектов молодыми людьми. Надо отдать эти проекты в руки нового поколения, чтобы молодые могли понять, что они могут двигать мир вперед. Но для этого они должны быть полны энтузиазма, действовать совместно и понимать, что живут в единой Европе.

В XX веке произошел скачок в области наук и технологий. На них возлагались огромные надежды, это был век энтузиазма. Люди были уверены, что скоро станут привычными полеты на Луну, Марс и другие планеты. Сегодня энтузиазма поменьше, мы по-

нимаем, что гораздо более важная задача — наладить жизнь на собственной планете, прежде всего создать такую общественную архитектуру, чтобы человечеству на всех континентах и во всех странах жилось лучше. Да, можно мечтать о космосе, мы уже научились проникать туда, доказали себе, что можем. Но еще более амбициозная задача — сделать из нашей планеты место, подходящее для безопасной и комфортной жизни в мире. Каждый из вас будет новым Одиссеем, отправляющимся в путешествие и возвращающимся в Итаку, где он обретет свой рай.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Предлагаю выйти на трибуну Виталию Товиевичу Третьякову — декану Высшей школы факультета телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова, знаменитому российскому журналисту.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Спасибо, Александр Сергеевич, спасибо всем присутствующим. То, о чем я хочу поговорить, немного перекликается со словами Петра Дуткевича о страхе и немного с тем, что говорил Петр Толочко о константах, которые остаются неизменными, несмотря на научно-технический прогресс и новую цифровую цивилизацию. И, конечно, с тем, с чего начал Константин Косачев, — с дилеммой о праве силы и силе права. Многочисленные юристы будут снова и снова убеждать нас, что сила права важнее, и мы это должны добыть, если не этом веке, то в следующем точно.

Однако давайте взглянем на международную (и не только) реальность: слабый не равен сильному, даже если это два мирных и доброжелательных человека, живущих рядом. Повторяю, слабый никогда и нигде не равен сильному. Я называю это законом международной гравитации. Ведь с точки зрения абстрактной математики нельзя сказать, что яблоко падает на землю. На самом деле земля и яблоко приближаются друг к другу. Но здравый смысл говорит нам, что это яблоко падает. Почему? Потому что у Земли больше масса, то есть она сильнее. Также и в мире есть страны, и примерно одни и те же на протяжении веков, которые сильнее других. Остальные, более слабые, так или иначе перемещаются в этом «гравитационном поле», приближаясь то к одним, то к другим. Это неизбежно. Следовательно, вопрос не в том, чтобы добиться равных прав для сильного и слабого. Это невозможно — они не равны от рождения. Кстати, просвещенческий тезис, что все люди равны от рождения, тоже не выдерживает критики. В реальной жизни все ему противоречит, даже внешний вид младенцев. Тем не менее нас продолжают завораживать этим тезисом, отвлекая от реальных проблем.

На мой взгляд, вопрос надо ставить по-другому: обязан ли сильный заботиться о слабых? И если должен, к чему гуманистическая мысль вроде бы нас склоняет, то имеет ли он при этом право требовать что-то от слабых и наказывать их? Гуманистическая мысль говорит: нет, заботиться обязан, а требовать нельзя. Но это опять же противоречит всему ходу мировой истории. Если мы всего лишь для развлечения сочиняем теории на полях мировой истории, то это, конечно, интересное занятие, но тогда давайте не будем утверж-

дать, что мы понимаем мировую историю и можем заниматься мировой политикой.

Что же делать слабым? Во-первых, они могут объединиться с другими слабыми и таким образом составить противовес сильному (для этого надо сначала его очень невзлюбить). Во-вторых, они могут дополнительно вооружиться. Например, слабая Северная Корея видит единственную возможность противостоять сильным в том, чтобы создать мощное оружие, а куда летят и где падают ракеты — неважно. В-третьих, можно практиковать саботаж, потихоньку подрывая власть сильного и делая вид, что ты с ним заодно. Этим и занимаются многие контрэлиты, а иногда и часть элит в разных странах, в том числе и в системе мирового сообщества. Такие же процессы идут и в Евросоюзе, который рано или поздно неизбежно рухнет. В-четвертых, есть противоположный метод (но эффект от него такой же): отдаться во власть сильного и все время льстить ему, прекрасно понимая, что рано или поздно сильный лишится самокритичности и обрушится сам под тяжестью похвал.

Дальнейшие рассуждения на эту тему могут быть очень пространными, но главное — отказаться от абстрактной цели: победы какого-то закона над какой-то силой. Этого никогда не было и не будет. Следовательно, мы должны анализировать поведение сильных — это первое. Второе — понять, что сильные не являются константой на века и тысячелетия. И третье — найти для слабых более эффективную, чем сегодня, тактику и стратегию поведения в этом мире. Повторяю, деление на сильных и слабых неизбежно, как бы мы ни старались добиться обратного.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Виталий Товиевич, Вы выступили как радикальный оратор. И я позволю себе ответить небольшой ремаркой.

Одно из моих любимых занятий — читать доклады к Лихачевским чтениям. Я, конечно, хотел бы многих здесь увидеть: и Владимира Путина, и американского президента. Мне очень не хватает Карла Маркса в этом зале. Вот что интересно — на Западе его «Капитал» был недавно переиздан в бумажном виде. И только на английском языке разошелся тиражом более миллиона экземпляров, при том что книга дорогая. В России же Маркса не изучают нигде. По-моему, на всю страну осталась одна кафедра, где он включен в учебную программу. В нашей стране относятся к учению Маркса как к безнадежно устаревшему. Но я не убежден, что это правильно.

Мы с вами на протяжении нашей жизни являемся свидетелями кризиса и разрушения двух величайших формаций. Одна из них — социализм, который наступил раньше, чем предполагал Маркс. Он считал, что для социализма общество и человек должны созреть как субъекты общественных отношений, да и сами общественные отношения должны достичь определенной стадии развития. Советский Союз начал строить социализм, сильно опережая свою готовность по Марксу, за что мы и поплатились. Но мы понимаем, что в мире есть движение к социализму. Взглянем хотя бы на Скандинавию и другие страны Западной Европы —

там построено капиталистическое общественное производство, в то время как распределение осуществляется по социалистическим принципам.

Другая формация — капитализм. Мы видим, как сбывается предсказание Карла Маркса, что и капитализм устареет и перейдет в новую фазу развития, превратившись во что-то другое. У Маркса не было возможности проанализировать те принципиальные перемены, которые случились позднее, в XX веке, в том числе информационную революцию. А изменения действительно произошли качественные — такие, что в результате капитализм утратил свою животворящую силу. 25 лет назад, когда, к несчастью, распался Советский Союз, мы верили в силу рынка, конкуренцию, демократию. Однако на Западе в настоящее время нет ни демократии, ни конкуренции, ни свободного рынка. Произошли коренные, сущностные трансформации капитализма. Но западные политики делают вид, что они по-прежнему обладают волшебными рецептами. На мой взгляд, это и порождает все кризисы западного мира. Дело в том, что принципиальная перемена XX века — не просто информационная революция, а перемещение центра тяжести производства с материального продукта в сферу духовного производства, в смыслы.

Сегодня огромная часть стоимости любого продукта — нематериальный актив: бренд, престиж, репутация и т. д. В результате мы имеем тотальную манипуляцию сознанием. В сфере политики демократия становится продуктом со своими технологиями купли-продажи, когда к власти приходят странные персоны,

которые являются фейковыми президентами. Мы зачастую вообще не понимаем, кто нами управляет. В сфере экономики мы не понимаем современных процессов. В частности, кто стоит за надуванием финансовых пузырей. Со времен Карла Маркса, когда банки были финансовыми учреждениями, оперирующими финансами для того, чтобы стимулировать производство, они приобрели совершенно иное значение, став ничем не стимулирующими институтами и получая прибыль независимо от деятельности реального сектора. Они создают самостоятельный продукт, который на самом деле не имеет никакой реальной ценности. Надувание пузырей — это создание фейкового продукта и одна из причин дестабилизации мировой экономики. Фейковые правительства, фейковые продукты, фейковые новости — это совершенно иная реальность и иной капитализм.

В одной из стран Запады выбрали президента, в программе которого были здравые идеи, — и что мы видим? Он получил мандат на перемены, который не может реализовать. И он видит, что его могут выгнать, отстранить от власти, несмотря на мандат от избирателей. Не избиратели, нет — истеблишмент и пресса, которая, впрочем, тоже входит в истеблишмент. Это капитализм? Там элита переродилась, а бал правят люди, которые выдвигают идеи, обусловленные не национальными интересами, не целесообразностью, а только стремлением к личной выгоде. Все идеалы современного капитализма — права человека и прочее — теперь остаются лишь на бумаге. Хорошо бы нам осмыслить эти фундаментальные перемены.

ДИСКУССИЯ

Часть II

Выступающие:

Л. К. БРЕССЕР-ПЕРЕЙРА	почетный профессор Фонда Жетулиу Варгаса (Бразилия)
Ч. ВАРГА	почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
Г. Б. КЛЕЙНЕР	заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ	главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ	главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
В. К. МАМОНТОВ	генеральный директор радиостанции «Говорит Москва»
Г. МЕТТАН	президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева)
М. Ф. МОНТЕС	старший советник по вопросам финансов и развития Южного центра (Женева, Швейцария), доктор экономики
А. Д. НЕКИПЕЛОВ	директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
А. А. ПАНКИН	директор Департамента международных организаций МИД РФ
Г. М. РЕЗНИК	вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
Б. Дж. СИЛВЕР	профессор, заведующая кафедрой факультета социологии, директор Arrighi Центра глобальных наук Университета Джонса Хопкинса (Балтимор, США), доктор социологии
Ж. Т. ТОЩЕНКО	заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор
Т. ТЮРКЕР	директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция)

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые господа! Начинаем вторую часть дискуссии на пленарном заседании.

Приглашаю к микрофону выдающегося российского философа, академика Российской академии наук Владислава Александровича Лекторского.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Прежде всего мне хотелось бы возразить глубокоуважаемому Виталию Товие-

вичу Третьякову. Когда мы говорим о сдвигах в глобальной цивилизации, то имеем в виду прежде всего ценностные представления. Виталий Товиевич считает, что есть сильные и слабые страны, сильные и слабые люди, и никакого равенства между ними, да и вообще в жизни нет и быть не может. Это очень серьезная тема. Почему-то многие считают, что идеал равенства означает уравнительность. Многие полагают, что это была одна из самых негативных черт советской цивили-

лизации, с ней нужно бороться, искоренять ее. Помните, лет 20 тому назад часто приходилось слышать и читать: «Долой равенство, да здравствует неравенство!» В частности, в статье одного известного автора «Равенство и свобода» утверждалось, что если ты свободен, то никакого равенства быть не может.

Но давайте вспомним лозунг Великой французской революции «Свобода, равенство, братство». Какое равенство здесь имелось в виду? Конечно, все люди разные, они не могут занимать одинаковое положение в обществе, потому что оно должно определяться их собственными достижениями. Но они изначально должны иметь равные возможности и права. Ведь когда Французская революция выступала за равенство, о чем шла речь? О сословном неравенстве, которое должно быть ликвидировано. Необходимо равенство перед законом, перед правовой системой — вот что главное, и с этим сейчас никто не спорит. Другое дело — равенство возможностей. Это более тонкий вопрос. Когда-то американский философ Джон Дьюи, идеолог либерализма, писал о равенстве, и в своих рассуждениях дошел до проблемы равенства возможностей. Что это значит? Если человек родился в богатой семье, у него одни возможности, в бедной — другие. Может, второй ребенок многократно талантливее первого, но он не имеет шансов развить свои таланты. Как же добиться того, чтобы исходные возможности были равны, чтобы успех зависел не от внешних условий, а от способностей и труда? Когда Дьюи стал размышлять на эту тему, его обвинили в приверженности социализму.

А теперь вопрос о том, кто сильный, а кто слабый. Вспомним известный сюжет. Римский наместник Понтий Пилат, олицетворяющий мощь великой империи, — а перед ним стоит слабый человек в рубище и говорит странные вещи. Что с ним делать? Распять! И распяли его, слабого человека. Однако через несколько сот лет христианство стало идеологией Римской империи и потом легло в основу всей западной цивилизации. И все, что было сделано в этой цивилизации, включая науку и технологии, которые стали источником огромной силы, нельзя отделить от исходных ценностей, принятых когда-то.

Мы знаем из истории, что в древней Спарте слабых детей бросали в пропасть, чтобы общество состояло из сильных людей. Но давайте представим, что это продолжается спустя столетия. Во второй половине XIX века родился один ребенок — здоровье далеко не богатырское, в школе учится так себе... Его звали Альберт Эйнштейн. Если бы ему не были предоставлены определенные возможности, то человечество, возможно, до сих пор не имело бы теории относительности. Критерии меняются, нередко то, что кажется слабостью, превращается в силу. Европа когда-то была намного слабее, чем Османская империя и Арабский халифат, но со временем расстановка сил изменилась радикально.

Сегодня все глобальные проблемы, о которых мы говорим, упираются в ценностные ориентиры. Речь идет не только о силе и слабости государств, их военной мощи, хотя это важно. Ведь для чего нужна сила?

Как сказал известный советский политик, мы должны стать сильными, иначе нас раздавят. И мы, сказал этот политик, должны за десять лет пройти тот путь, который Западная Европа прошла за сто пятьдесят. То есть сила нужна для защиты, значит, это не цель, а средство. Но что мы защищаем? Систему ценностей. А в нее входит и равенство — одна из важнейших ценностей современного человека.

Насчет настоящего и будущего. Обычно мы предсказываем будущее на основе того, что было до сих пор, экстраполируем прошлое на перспективу и делаем прогнозы. Иногда это срабатывает, особенно когда речь идет о движении небесных светил или искусственных спутников. В гуманитарной сфере все значительно сложнее. Недавно в США была издана книга «Черный лебедь» Нассима Талеба. Он показал, как много событий, произошедших в XX веке, изменили ход истории, но все они были непредсказуемы. А кто бы мог предвидеть лет пять тому назад, что мир станет таким, каков он сейчас? Если бы я услышал такой прогноз, то ни за что не поверил бы.

Но к будущему можно относиться и по-другому. Прогнозировать не только на основе прошлого опыта, но создавая, конструируя что-то сознательно. В этом году мы отмечаем 100-летие Октябрьской социалистической революции, ученые ведут дискуссии о советском проекте. Там было много трагического, но было и кое-что интересное, о чем не всегда писали. В частности, была идея проектирования будущего: социальной среды, социальной системы, самого человека. Лев Семенович Выготский, классик мировой психологии (некоторые западные психологи делят всю историю мировой психологии на два этапа: до Выготского и после него), проводил свои исследования ради создания нового человека, он верил в то, что возможно формирование и совершенствование личности.

Сейчас вновь оживают и даже становятся сверхактуальными идеи, долгие годы казавшиеся утопическими. Напомним мысль Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача». Сейчас это во всем мире обсуждается снова, но не только в связи с растениями. Как относиться к этим идеям в связи с новыми технологиями? Люди разрабатывают фантастические проекты. Какое будущее с их помощью мы построим? Мы можем сделать жизнь намного лучше или, напротив, значительно хуже и труднее — многое в наших руках, но это зависит также от многих других факторов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Предоставляю слово следующему гостю. Профессор Луис Карлос Брессер-Перейра, пожалуйста.

Л. К. БРЕССЕР-ПЕРЕЙРА: — Я был очень рад приехать в Санкт-Петербург и посетить этот замечательный Университет. Очень хорошо, что наши страны сотрудничают, что Бразилия входит в БРИКС вместе с Россией, Китаем, Индией и Южно-Африканской Республикой. Мы живем в эпоху глобализации, но, на наш взгляд, наибольшую пользу от этого процесса получают две страны: сначала это был Китай, а теперь

еще и Индия. К сожалению, этого нельзя сказать о Бразилии, ЮАР и России. Поэтому я считаю, что наша основная цель заключается в том, чтобы ускорить развитие и догнать лидеров. Мы хотим, чтобы люди стали лучше жить, чтобы мир стал более стабильным и комфортным для жизни. Что касается разницы в доходах между нациями, то она должна сокращаться. Я искренне убежден, что Бразилия, Россия и ЮАР оказались поражены одним экономическим «недугом» — так называемой «голландской болезнью». В чем ее суть? Наши страны занимаются в основном экспортом сырьевых товаров, в то время как необходимо, чтобы работал перерабатывающий сектор экономики. Когда мы страдаем от «голландской болезни», то не даем развиваться производственному сектору.

Есть меры, которые снижают остроту голландской болезни. Это, в частности, введение высоких пошлин на импорт. Если увеличить таможенные тарифы на ввозимые товары, то национальные компании станут конкурентоспособными, по крайней мере внутри страны. Но это не решает проблему конкурентоспособности в международном масштабе. Я тщательно изучил проблему «голландской болезни». Она стала альтернативой экономическому либерализму в таких странах, как Бразилия и Россия. Уверен, если мы осознаем свои проблемы, то сможем найти способы их решения.

Я разработал теорию, как надо действовать в ситуации голландской болезни. Это не классическая модель, скорее она основана на исторической динамике событий, и речь здесь идет о введении пошлины на экспорт различных товаров. Готов обсудить эту тему с российскими учеными. Конечно, новые идеи всегда воспринимаются с трудом, но я уверен, что они действительно важны для наших стран.

Что касается Китая, то эта страна не экспортирует сырьевые ресурсы. Предполагается, что когда вы страдаете от «голландской болезни», то в государственном бюджете образуются излишние активы, и это хуже, чем долги, потому что приводит к повышению обменного курса вашей валюты. Таким образом страна может привлекать иностранный капитал, который перетекает из богатых стран в бедные. Считаю, что это такая же истина, как и то, что Земля плоская. То есть это только внешнее впечатление, на самом деле это не так. И я в своих исследованиях доказываю достаточно логичными, на мой взгляд, аргументами, что у страны должно быть превышение на счетах к получению. Надо использовать для этого технологические достижения. Когда на текущих счетах есть дополнительные превышения, это повышает конкурентоспособность.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Позвольте пригласить на трибуну Лихачевских чтений госпожу Силвер — гостью из Балтимора, профессора, заведующую кафедрой социологии Университета Джона Хопкинса.

Б. Дж. СИЛВЕР: — Мне пришли на память высказывания Антонио Грамши, которые, как мне кажется, хорошо отражают и современную историю. Он писал, что старое умирает, новое рождается, а между

ними, в переходный период, может родиться много хорошего. При этом появляются определенные симптомы умирания. Например, сегодня очевидно, что уходит в прошлое целое столетие доминирования Соединенных Штатов Америки в мире, которое мы наблюдали на протяжении XX века.

Мы уже видели, как происходит переход от власти одной нации к распределению центров власти, в частности во время президентства Джорджа Буша. Сейчас провозглашен лозунг вернуть величие Америке.

Давайте сравним сегодняшний день с тем, что наблюдалось в прошлом, и подумаем, куда мы движемся. Думаю, что правомерным будет сравнение с началом XX века: кризис британского мира, столкновение с Германией и затем возвеличивание США. Начало XX века, как и начало XXI, характеризовалось развитием финансовых институтов. В то время пришла в упадок система промышленного производства, в настоящее время разрушается система серийного производства. И еще важное явление, о котором уже говорили, — чрезвычайное неравенство людей внутри стран и между странами. Здесь, конечно, прослеживается определенная аналогия с изменением статуса и ранжирования различных движений. В настоящий момент мы сталкиваемся с опасностями, связанными с отсутствием динамики в определенных странах, ростом популизма, неравенством между странами и нарастанием милитаристских настроений.

Но я считаю, что, хотя это и трудно, все же можно найти и другие аналогии, которые придадут нам оптимизма и помогут избежать долговременного системного хаоса, как это произошло в XX веке. Активизировались общественные движения, выступающие за сокращение разрыва между богатыми и бедными, потому что мы действительно переживаем кризис, угрожающий капитализму и даже легитимности капитализма. Тем не менее такого рода изменения исторически всегда требовали подталкивания снизу, поэтому необходимы новые движения на самом нижнем уровне, как это происходит, например, в Китае в последние десятилетия. В Китае было десятилетие очень быстрого развития, а теперь, после повышения производительности и объемов производства, у них новый тренд — рост доходов граждан, сокращение неравенства.

Совсем недавно многие говорили о кризисе профсоюзного движения. Якобы система социального страхования уже охватывает большинство населения, поэтому профсоюзы начинают изживать себя. Я же полагаю, что профсоюзное движение ведет к перестройке структуры рабочего класса во всем мире, в результате чего мы можем добиться справедливого выравнивания благосостояния населения на всем земном шаре.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, профессор Силвер. На трибуну приглашается академик Александр Дмитриевич Некипелов.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые участники Чтений! Я остановлюсь на некоторых вопросах, связанных с изменениями, во многих отношениях серьезными, системного характера, которые происходят

в международных экономических отношениях. Открывая Чтения, Александр Сергеевич Запесоцкий сформулировал проблему современных явлений в области глобализации: имеем ли мы дело с тем, что процесс приостановился, или повернулся вспять, или переходит в какую-то новую форму? Дело, конечно, не в определениях, а в сути. А суть в том, что мы видим процессы, которые невозможно было предвидеть еще пару лет назад. Это и кардинальное, по крайней мере заявленное, изменение отношения к международным соглашениям в Соединенных Штатах Америки, и выход Великобритании из Европейского Союза, и многое другое. Складывается парадоксальная ситуация. Те, кто настойчиво продвигал идею об отмене границ на пути движения товаров, услуг и капитала, те, кто уверял, что связанные с этим издержки с лихвой окупятся дальнейшими выгодами, — именно они сегодня заявляют о переходе к политике, опирающейся на меры протекционистского характера. Что же произошло? Можно, конечно, все объяснять причудами политической системы, случайными результатами выборов, но меня, как экономиста, такого рода объяснения не устраивают. Я не отрицаю роли тех или иных политических факторов и даже случайностей, но все-таки хотелось бы понять, есть ли под всем этим объективная основа.

Давайте вспомним, как до последнего времени трактовалась глобализация. Было практически общепринятое понимание: рыночная экономика господствует во всем мире, наука и технологии развиваются, мир как будто сузился. Транспорт, связь, новые товары и прочее — все это связывает нас друг с другом. И это неизбежно, так что надо снимать национальные ограничения и определенным образом смягчать естественные процессы. Предполагалось, что они смягчаются и путем формирования и укрупнения самой структуры мирового хозяйства, образования крупных интеграционных объединений. В принципе, общая идея была такова: движение к единой рыночной среде с элементами общего глобального управления. Это, в сущности, неолиберальный вариант, у которого был аналог в советское время. Многие, наверное, помнят слова Владимира Ильича Ленина о тенденции к созданию единого кооператива народов.

И вдруг поворот в противоположную сторону. Что же произошло? А то, что модель разделения труда, сложившаяся в последнее время и отождествляющаяся с очевидным прогрессом, во всяком случае в развитых странах, означает переход к сервисной экономике. То есть услугам отводится доминирующая роль. Но услуги бывают разные: они могут удовлетворять нужды производства, потребности людей или просто быть необходимы для эффективного функционирования рыночной экономики — например, сектор финансовых услуг. И как раз в этом секторе в 2007 году разразился кризис, последствия которого мировая экономика до сих пор не сумела преодолеть. Финансовый кризис 2007–2009 годов послужил, на мой взгляд, основанием для серьезных изменений в мире.

Но давайте взглянем на экономику развитых стран. В ВВП Соединенных Штатов Америки уже давно доля реального сектора существенно меньше 20 % и значи-

тельно больше доля финансового сектора. То же самое прослеживается в Великобритании и других западных странах. И эта важнейшая сфера вдруг оказалась в затяжном кризисе с крайне неясной перспективой выхода из него. Из этого естественным образом следует стремление построить политику на том, чтобы возвращать в страну реальный сектор экономики — то, что прежде энергично выводилось в страны с более низкими издержками и дешевой рабочей силой.

Все это свидетельствует о том, что мировая экономика вступила в болезненный и очень длительный период, в течение которого будут мучительно пересматриваться правила игры, а государства будут занимать позиции, исходя из своих интересов. Процесс этот, повторю, будет долгим и нелегким. В этих условиях бессмысленно оперировать понятиями «вы за либерализацию» или «вы за протекционистские меры» — дело совсем не в этом. Предстоят многочисленные переговоры, которые будут продвигаться с большим трудом, торговые войны и другие неприятные действия и события. Только таким образом может и постепенно будет переформатироваться мировое хозяйство.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в наших Чтениях впервые участвует господин Ги Меттан.

Г. МЕТТАН: — В настоящее время мы видим противоречие между сторонниками республиканского государственного устройства и приверженцами империй, которые часто бывают авторитарными. С моей точки зрения, дело тут не только в восточном и западном порядке. Мы строим новый порядок, который, возможно, будет гораздо устойчивее, чем все предыдущие. Но трансформация западного мира может привести к образованию двух империй. Это не новая идея. Думаю, многие смотрели знаменитую киносагу «Звездные войны» Джорджа Лукаса. Каков ее сюжет? Если кратко, то это трансформация империи, с ее коррупцией, жадностью, амбициями, в демократическую республику. Но происходит путч, потому что торговцы захотели расширить свои рынки за счет других планет, и галактическая республика снова стала империей.

В настоящее время на Земле происходит нечто подобное. Давайте вспомним историю хотя бы Римской империи. Из-за коррупции и стремления захватывать все новые территории, возрастания неравенства между богатыми и бедными в самой республике обостряются противоречия между классами и начинается трансформация. Сегодня же вновь возрождаются империи. Арабский философ Ибн Хальдун в свое время дал определение империи. Во-первых, империя не желает признавать границы, потому что это значит, что ограничения накладываются и на нее тоже. Без границ же можно завоевывать любые пространства, продвигать свободу коммерции всеми средствами. Конечно, границы между государствами существуют, но внутри империи они никогда не бывают четко определены. Во-вторых, империя руководствуется не правом, а силой. То есть там нет власти закона, а есть закон власти. При этом заявляется о различных свободах: тор-

говли, передвижения, политических свободах и т. д. Провозглашается, что каждый человек обладает равными правами и свободами. Но на деле мы видим, например, такие примеры, как передача власти в государстве членам одной и той же семьи. Вспомним хотя бы Буша старшего и младшего, семью Клинтон. Демократия ли это? По-моему, скорее олигархия, похожая даже на монархию, но только не демократия, как мы привыкли ее понимать.

Мы живем в постдемократической Европе. Можно рассматривать империю с точки зрения безопасности внутри ее и хаоса за ее пределами. Почему это происходит? Если подумать об этом, то приходишь к выводу: руководителям империй надо, чтобы население радовалось спокойной жизни, в то время как власти будут захватывать мир и присваивать его интеллектуальный и финансовый потенциал. И мы видим, как формируется соответствующий пояс — от Балкан до Среднего Востока, от Юго-Востока до Африки.

Но есть и позитивный вывод. Как взаимодействовать с империей? Опять же обращусь к «Звездным войнам». Одна из возможностей — вооруженное восстание против темных сил. Но это очень опасно при наличии ядерного оружия в мире. Другая возможность — задействовать интеллектуальные силы. Я сейчас апеллирую к молодежи. Человечеству требуется мудрость, чтобы противостоять империям мирными методами, как это делал, например, Махатма Ганди. Думаю, надо брать на вооружение этот подход, когда в будущем придется иметь дело с империями.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Позвольте пригласить на трибуну выдающегося российского юриста, академика Андрея Геннадьевича Лисицына-Светланова.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Глубокоуважаемый Александр Сергеевич и глубокоуважаемые участники Чтений! Я не первый раз участвую в Чтениях и заметил, что раньше, когда мы обсуждали развитие глобализации, настроение было более оптимистичным. Сейчас, взглядыываясь в будущее, мы часто испытываем пессимизм, и это, вероятно, обоснованно.

Остановлюсь на некоторых парадоксах текущих процессов. Я согласен с академиком А. А. Акаевым в том, что правовые основания глобализации берут начало с момента создания ООН. Речь идет о Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Именно эти принципы по сей день являются основным регулятором международного права. Это так называемые обязательные «когентные нормы» (*jus cogens*). Пересматривать их было бы неправильно, потому что они пропитаны духом сотрудничества, любви и веры в будущее. Но что получилось? Основываясь на этих принципах, мы пришли к ситуации, когда правомерно говорить уже не столько о глобализации и универсализме, сколько о кризисе. В момент принятия принципов не возникало вопроса о самоопределении и территориальной целостности государств, в то время как сегодня это одна из основ-

ных проблем и препятствие в развитии международного права.

После принятия принципов прошло совсем немного времени, когда образовались два противостоящих друг другу блока — Западный и Восточный. Прошли годы, Китай встал на путь реформ, распался Восточный блок. Казалось бы, путь к глобализации открыт. Однако, как только возникают кризисные ситуации, мы не понимаем, как их разрешать. Если обратиться к экономической стороне глобализации, то с точки зрения права ее основой является Всемирная торговая организация (ВТО). Да, в настоящее время правила ВТО действуют, но принимаемые санкции и другие ограничительные меры сводят на нет все вопросы, связанные с тарифами. Есть поговорка: снявши голову, по волосам не плачут. То есть, когда речь идет об ограничениях по существу, то размеры тарифов не имеют значения. В данном случае мы встречаем определенные правовые препятствия на пути дальнейшего развития глобализации и, наоборот, возникает необходимость создания защитных мер, которые никогда не будут универсальными, а будут различаться от страны к стране.

Какие усилия предпринимаются для того, чтобы преодолеть существующие проблемы или создать что-то новое? Попытка трансатлантических соглашений вызывает сопротивление у элит по обе стороны Атлантики. Мы говорим о тихоокеанском сотрудничестве — но в этом случае заложена мина пострашнее, потому что там действуют два экономических гиганта, США и Китай. Сейчас стали поступать сигналы о серьезных противоречиях между этими государствами, и чем это завершится, мне, например, непонятно. Как бы то ни было, в обоих случаях речь идет не об универсальных принципах как правовом инструменте глобализации, а о региональной интеграции, хотя эти регионы очень крупные и емкие.

Что касается России, то наш ближайший партнер — Евросоюз. С момента образования Общего рынка все, что делалось в Европе, приветствовалось и принималось как должное. Когда Общий рынок стал Европейским Союзом, интеграция тоже воспринималась как благо, но все же появилась некоторая напряженность. Однако затем грянул кризис — сначала экономический, а теперь уже и политический, и в него оказалась вовлечена не только Европа, но и остальная часть мира. Прежняя холодная война сменилась противостоянием, включающим разные аспекты. Сегодня говорят о гибридных войнах, информационных, кибервойнах и т. д. Возникает вопрос: как России строить отношения с Евросоюзом? Евросоюз — это не государство и не международная организация, а надгосударственное образование, у которого, кстати говоря, не все в порядке с точки зрения экономической политики и процессов принятия решений. Что делать? Есть два правовых инструмента: либо строить новые договорные отношения (а это сопряжено с трудностями на фоне возникшей конфронтации), либо совершенствовать двусторонние отношения. Наверное, в ближайшем будущем второй вариант будет более перспективным.

И в заключение — некоторые замечания по поводу соображений академика В. Л. Макарова относительно киберпространства. До последнего времени я называл все право «правом вытянутой руки», имея в виду, что правовое урегулирование — неважно какое: демократическое, недемократическое, основанное на праве и судебных решениях или на административных началах, — осуществляется государством в рамках его границ. И есть власть, которая будет стимулировать или задерживать, наказывать или миловать, но всегда действовать на определенном пространстве в определенной юрисдикции. Что касается киберпространства, то оно изначально, по своей философии, не исходит из принципа территориальности, оно основано на экстерриториальности. Тут юристам придется поломать голову. Но это задача уже для молодых поколений.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сейчас к микрофону приглашается профессор Ташансу Тюркер.

Т. ТЮРКЕР: — Уважаемый господин Запесоцкий, искренне благодарю Вас за возможность посетить этот замечательный город. Санкт-Петербург, как и Россия, открыты миру и новым идеям. Лихачевские чтения, которые ежегодно проводятся в СПбГУП, — своего рода вклад в созидание мира во всем мире.

Сейчас мы переживаем кризисный период перехода, когда возникает много неясных, непредсказуемых моментов. И в прошлом, и в этом году на Лихачевских чтениях мы обсуждаем кризис современности, постмодернизма, который действительно имеет место и исходит от Запада. Последствия кризиса проявляются и в России, и в Турции. Он влияет и на западные социальные науки. Так, когда мы говорим о переходной эпохе в Европе середины XIX века, то вспоминаем о Французской революции, Венской конвенции и пр. Процесс перехода общества к новому состоянию длительный, особенно на Западе.

Между Россией и Турцией существует много общего. Мы не относимся ни к западной, ни к восточной цивилизации. Наши страны должны думать о местном развитии, о том, как кризис, который переживает Запад, отразится на развитии и обусловит возникновение новых моделей.

В XIX веке, в период модернизации, Турция и Россия переняли у Запада много хорошего. Сейчас у нас есть возможность принимать участие в переменных, которые происходят на Западе, и способствовать их распространению не только в России, но и в мире.

Мы должны объединять усилия людей разных национальностей, взглядов, живущих в разных регионах мира. Необходимо изменить сознание людей, чтобы установить дружеские отношения. XIX век характеризовался стремлением к объединению, и сейчас возникла необходимость объединить усилия и содействовать дальнейшему продвижению мирных инициатив.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется выдающемуся российскому дипломату, директору Департамента международных организаций МИД РФ Александру Анатольевичу Панкину.

А. А. ПАНКИН: — Атмосфера в зале, тональность и открытость настраивают на необычный диалог, не столько научный и политический, сколько на свободный обмен идеями и оценками.

Сегодня обозначилось следующее направление дискуссии — в мире растет потенциал конфликтности. Пока не ясно, движемся мы к войне или нет, будет ли мир устойчивым, что произойдет с имущественным положением. С одной стороны, растет имущественное неравенство, с другой стороны, плоды информационно-коммуникационной, технологической революции, промышленных революций позволяют его сглаживать, продвигаться вперед (даже тем, кто раньше не мог и помыслить об этом). Отдельные финансовые проекты воплощаются в жизнь, другие обречены на провал.

Конфликтность обуславливается и инерционными факторами — десятилетиями недоверия между Россией и НАТО, между странами в разных регионах (не только Восток и Запад, но и Африка). Конечно, в международной политике Африка занимает не первое место, так же как и Азия, Ближний Восток. На это накладывается многовековая инерция дремучей средневековости, встречающаяся с суперсовременными технологиями. Сегодня можно наблюдать, как в странах Ближнего Востока 500-летний жизненный уклад сталкивается с современной реальностью (мобильные телефоны, Интернет и пр.). Иногда это происходит цивилизованно, а иногда усиливает негативные явления (терроризм, фундаментализм, желание отомстить, отнять у соседа то, что «принадлежало нам» 700 лет назад).

Принято считать, что после Второй мировой войны, с созданием Организации Объединенных Наций мы перевернули страницу в мировой истории. Но это только одна страничка, а следующая — постколониальное наследие, потому что границы устанавливались не в 1945 году. До колониального периода существовали другие границы между постоянно мигрировавшими народами. Сегодня все это «выливается» в различные конфликты.

Здесь говорилось о страхе как движущей силе современной политики — это первый фактор. Второй фактор — жадность, позволяющая бизнесу осваивать такие пространства, которые сложно было представить 50, а тем более 100 лет назад. Поэтому возникают финансовые пирамиды, мыльные пузыри и пр. Одновременно в мировой политике муссируются «страшилки» о климате, инфекционных заболеваниях, которые могут уничтожить полчеловечества. Все эти факторы не способствуют стабильности.

Но если вернуться к вопросу о том, куда мы движемся, то целенаправленно никто не ведет дело к мировой войне. Потому что сегодня захват территории, за редким исключением, бессмыслен. Доминировать можно другими способами, в том числе управлять чужими экономиками через финансовые системы и пр. Но фактор случайности может спровоцировать конфликт, который начнет развиваться в неуправляемом режиме, но, надеюсь, не приведет к глобальной катастрофе. Поэтому важно отслеживать то, что делается как на площадке ООН, так и в двухсторонних и дру-

гих форматах. Региональные конфликты могут привести к мировой войне. Мы знаем, что одна спичка может вызвать большой пожар. Поэтому мировая общественность проявляла повышенное внимание к Корейскому полуострову, иранской ядерной программе, теперь переключила внимание на Ближний Восток. Помимо этого, в мире стала доминировать хаотичность: сейчас не существует точных сценариев, ни политических, ни финансовых. Все рассчитывают на авось.

В 1950–1970-х годах существовало много научных организаций, которые создавали сценарии, предполагающие вариантное развитие, некоторые из них спустя 30–40 лет воплощались. Сегодня этого никто не делает, а если и пишут сценарии, то они настолько многовариантные, что фактически предоставляют много возможностей и не позволяют сориентироваться. Люди не понимают, куда движется мир, потому что ученые не предлагают вариантов развития (где было бы указано, что следует прекратить делать).

Публичная дипломатия и «мозговой штурм» являются одними из лучших способов убеждения наших коллег в том, что Россия имеет представление о том, что происходит в мире, и собственное мнение о том, что надо делать, чтобы избежать развития худшего сценария и реализовать лучший.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется господину Монтесу.

М. Ф. МОНТЕС: — Для меня большая честь выступать на Лихачевских чтениях. Здесь собралось много молодых людей, которых также волнует мировой кризис.

Международное право не всегда защищает права человека. Приведу пример. Д. Трамп в ходе предвыборной кампании заявил, что самое провальное торговое соглашение, которое подписали США, — Соглашение о создании Североамериканской ассоциации свободной торговли (НАФТА). В ближайшем будущем Соединенные Штаты Америки намерены подписать Соглашение о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве. Соглашение НАФТА, может быть, не было продуктивным для США, но было полезно для Канады и Мексики. Со времени принятия этого соглашения в 1994 году все страны (США, Канада и Мексика), подписавшие его, развиваются, их экономики постоянно растут.

Один известный экономист, хорошо знакомый с данной проблематикой, считает, что рост национальной экономики имеет негативные последствия для стран, которые имеют с ней дело (это касается и оборонной промышленности, и капитала, когда деньги не поступают рабочему классу). Благодаря соглашению НАФТА в Мексике ускорились темпы развития, но сейчас это менее индустриально развитая страна, чем на момент подписания соглашения, потому что слишком зависит от иностранного капитала. То есть сейчас происходит реколонизация Мексики.

Видимо, Д. Трамп, заявивший о бесполезности НАФТА, поставил неверный диагноз. Самое глав-

ное — поставить правильный диагноз. Правила могут быть несправедливы, но люди пытаются всё оправдать тем, что защищают права человека. На самом деле права человека нарушаются, поскольку не соблюдаются обязательства национальных государств.

В связи с соглашением НАФТА возникают две проблемы. Первая касается интеллектуальной собственности, вторая — инвестиций в связи с развитием производства. На эту проблему можно посмотреть под другим — политическим — углом. Хиллари Клинтон заявила, что Соглашение о трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве является золотым стандартом, потому что обеспечивает абсолютную свободу капитала (частного сектора) и позволяет инвестировать на протяжении длительного времени.

Несколько слов о глобализации. Если мы посмотрим на цифры, то увидим, что сейчас происходит обратный глобализации процесс. В частности, у каждого человека есть право на медицинское обслуживание, но проблема заключается в том, что лекарства и медицинские услуги становятся все менее доступными. При этом подчеркивается, что человек имеет право на использование последних достижений.

Права интеллектуальной собственности обычно формируются на национальном уровне, но постепенно они превратились в международную норму (чтобы инвесторы могли сами принимать решение, какие инвестиции потребуются). С 1994 года до настоящего времени были изобретены только два новых антибиотика. Теоретически возможна ситуация, что люди погибнут от болезней, а не вследствие изменения климата. Всемирно известный журнал “The Lancet” отмечает, что если Соглашение о трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве будет одобрено, это вызовет большие проблемы, в том числе связанные с правами на интеллектуальную собственность.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашается вице-президент Федеральной палаты адвокатов Генри Маркович Резник.

Г. М. РЕЗНИК: — Александр Сергеевич обычно отводит мне роль возмутителя спокойствия. Но на этот раз с этой ролью блестяще справился Виталий Товиевич Третьяков, который спел гимн социальному дарвинизму и уничтожил право (правда, в основном говорил о международном праве).

Процитирую стихотворение Ганса Магнуса Энгенбергера, любимого ученика Брехта:

Воистину великолепны
великие замыслы:
рай на земле, всеобщее братство,
перманентная ломка...
Все это было б вполне достижимо,
если б не люди.
Люди только мешают:
путаются под ногами,
вечно чего-то хотят.
От них одни неприятности.
Надо идти на штурм — спасти человечество,
а они идут к парикмахеру.

Сегодня на карту поставлено
все наше будущее,
а они говорят:
«Недурно бы выпить пива!»
<...>
Если б не люди,
какая настала бы жизнь!

Просветители (Вольтер, Дидро, Руссо), расшатывая устои средневекового общества и призывая выстраивать жизнь, основываясь на разуме, задумались, что делать с массой слабых людей (необразованных, косных, бедных). Они призывали ликвидировать это сословие, чтобы избежать несправедливости, когда одни попирают других.

Любая власть утверждает порядок в обществе на трех основаниях — насилии, суггестии (или внушение) и римское право, единое для всех (речь идет о юридическом праве и юридическом равноправии). Меня интересует не глобальный мир сам по себе, а Россия в глобальном мире. Нам следует обратить внимание на собственные проблемы. До буржуазных революций власть основывалась на двух критериях — на насилии и суггестии. Затем возникло единое римское право, позже — международное право. Оно стало претендовать на то, чтобы регулировать международные отношения после Второй мировой войны, потому что человечество ужаснулось тому, что может сделать тоталитарное государство с людьми и миром.

В настоящее время возникла ситуация турбулентности. Каждое государство хотя бы минимально прибегает к насилию. Сейчас мы столкнулись с суггестией — пропагандистской вакханалией на телеканалах. Право в настоящее время работает, но не так, как хотелось бы: для того чтобы право было эффективным, нужен сильный независимый суд (а с этим у нас проблемы).

Обратим внимание на международную арену. Западная цивилизация основана на разуме, все достижения человечества, связанные с улучшением жизни, исходят с Запада, основаны на свободе и уважении к личности. Традиционный мир (в настоящее время это исламский мир) не без оснований считает, что свобода расшатывает традиции. Глобальный мир действительно подмывает традиционные основания национальной идентичности.

В. Т. Третьяков говорил о том, что мы, старшее поколение, создаем будущее для молодежи. Я бы с осторожностью заявлял об этом. Лет сто назад человечество решило, что нельзя обходиться без горячей воды и теплого туалета. Сейчас мы не мыслим своей жизни без мобильного телефона, а молодежь — без Интернета.

В. Т. Третьяков справедливо отметил, что в ситуации турбулентности, которая, надеюсь, будет преодолена, США повели себя бесцеремонно, вторгнувшись в Ирак и реализовав свое право силы. И я бы порадовался воссоединению Крыма с Россией, если бы не был юристом. Но я надеюсь, что эта ситуация нормализуется, хотя и нескоро.

Другое дело, что сегодня у нас обозначился акцент на архаику, возврат к так называемым традиционным ценностям. Я полагаю, что это чрезвычайно опасно.

Да, разум и наука подтачивают традиционные основы существования человечества на протяжении столетий, так же как и внедрение техники. Я не осмеливаюсь говорить о том, что произойдет в ближайшие 10–15 лет. А через сто лет, возможно, уже новые поколения будут смотреть на нас, ныне живущих, так, как мы на неандертальцев.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, слово предоставляется профессору Георгию Борисовичу Клейнеру.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Обилие общих и частных вопросов, которые мы рассматриваем здесь, заставляет взглянуть на нашу проблематику с высокими междисциплинарных позиций. По этому поводу я хочу вспомнить слова Бориса Слуцкого, замечательного русского поэта, который около 60 лет назад сказал:

Что-то физики в почете.
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчете,
Дело в мировом законе.

Какой закон имел в виду Борис Слуцкий? Мне кажется, что поиски этого закона — это и есть пафос нашей конференции в этом году. Если мы посмотрим на мир сегодня, то увидим, что глобализация, о которой так много говорили, стала давать сбой, заменяться локализацией, приоритетами национального протекционизма и т. д. Что же происходит на самом деле? Идет ли речь о глобальной переделке одной тенденции в другую? Является ли это своеобразными качелями — сначала глобализация, потом локализация, вновь глобализация, вновь локализация? В этом ли состоит закон? Мне кажется, нет. Чего не хватает для того, чтобы это стало законом? Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, что такое глобализация. Это несовершенный вид развития, движение, распространение ресурсов, стирание границ и т. д. Что предшествовало этому? Другая эпоха, которую мы называем иногда эпохой разрядки, детанта, стабильности. Что последует за процессом глобализации? Локализация? Нет. Вслед за процессом глобальности или глобального стирания границ идет иной процесс.

Посмотрите, что происходит в мире. Здесь говорилось об этом: меняются состав государств, их границы, возникают новые государства, а также признанные, непризнанные, полупризнанные, запрещаемые государства. Мир сотрясается от событий. Наступает эпоха перемен, точнее происшествий, которая раскачивает, если угодно, мировую лодку. Что будет дальше? Наступит другая эпоха, и мы видим ее контуры, контуры будущего. Это будет эпоха странового домостроительства. И этим завершится четырехтактный цикл, который отражает общую закономерность развития систем — и глобальных, и локальных, и мезоэкономических, и микроэкономических. Последовательность движения от первой, объектной, организационной системы к выходу за ее границы характеризуется глобальностью. Вторая система — средовая. За ней идет процессная система, это и есть процесс, который мы

называем глобализацией. И, наконец, эпоха перемен, проектов. Эти четыре типа общественного устройства сменяют друг друга, меняют приоритеты.

Конечно, существуют и предшества, и процессы, но смена приоритетных направлений — это и есть тот закон, который управляет и движением мировых структур, и, я возьму на себя смелость, движением того, о чем говорил Борис Слуцкий. Какой же закон он имел в виду? Кто находится между физиками, которые являются представителями реального, объектного, объективного взгляда на действительность, и лириками, распространяющими свои эмоции, взгляды, чувства на других? Первые относятся к классу объектных систем, вторые — к классу процессных систем. Кто же между физиками и лириками? Между физиками и лириками находится те, кого я бы условно назвал клириками, это представители какой-то стабильной среды, необязательно религиозной, это может быть среда, основанная на ином мировоззрении, скажем, коммунистическом. Именно переход от физиков к лирикам идет через клириков.

И, наконец, кто идет после лириков? Почему в этом цикле нельзя вернуться обратно к физикам? К сожалению, я не нашел более подходящего слова для обозначения людей, представляющих этот тип, и пусть на меня не обижаются, но после физиков, клириков и лириков идет господство шизиков, в хорошем смысле слова. Это люди, которые имеют собственные взгляды, не привязаны к системе, воспринимают мир как совокупность проектов, как гейзеры, начинающие бить тут и там. Многие из них сами инициируют проекты, участвуют в них. Это необходимая стадия, та самая стадия перемен. И вот сочетание этих четырех видов систем, доминирование каждой из них в ту или иную историческую эпоху — это и есть тот самый мировой закон, которому мы подвержены, который имел в виду Борис Слуцкий и с которым нам предстоит жить.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — А теперь выступит замечательный венгерский философ Чаба Варга.

Ч. ВАРГА: — Я буду придерживаться собственных научных исследований. Немного коснусь юридических вопросов, но в целом вернусь к самому главному направлению, касающемуся психологического настроения. Сложилось такое ощущение, которое в нас заложено, — чувствовать себя как дома. У этого ощущения глубокие корни. Все наши чувства направлены на это. В первой половине XX века такие ученые, как марксист Фуко, говорили о нормальности. Но сегодня юридические исследования, проведенные Мичиганским университетом, показывают, что человеческое воображение является причиной для различных расстройств и в юридической системе. Поэтому я пришел к выводу, что все, что касается футурологии и наших перспектив будущего развития, — неправильно, потому что здесь мы экстраполируем собственные ощущения, касающиеся реагирования на фактические вызовы.

В качестве примера можно привести разработку неопределяемых на металлическом детекторе видов вооружений. Надо сказать, что геноцид в огромной степе-

ни основывается на использовании достижений техники, когда людей убивают, можно сказать, промышленными методами. Это означает, что все наши принципы и идеи, касающиеся права, имеют временные гарантии и носят сиюминутный характер, поскольку рождаются как реакции на сегодняшние вызовы. Об этом свидетельствуют Кодекс Хаммурапи, труды Цицерона, Великая хартия вольностей, труды философов во время Французской революции.

В 1968 году я приезжал в Москву, побывал в Институте законодательства, где все подробности в то время записывались вручную на карточках. А сейчас существует электронное правительство, и технологические достижения могут использоваться в будущем. Каковы новые вызовы для права? Что такое закон? Закон отражает то, что происходит тогда, когда мы отклоняемся от нужного курса. Дело в том, что гуманитарное право должно учитывать вопросы гуманности. Если вы готовитесь к военным действиям, то, естественно, хотите сохранить свое право на интеллектуальную собственность и т. д. Так вот гуманитарное право исследует эти вопросы. Если мы посмотрим, что было во Франции в XVIII веке, и сравним это с сегодняшней ситуацией, то увидим, что сегодня существуют возможности управлять мнением миллионов людей и призывать их к общественным выступлениям. А это угроза.

Мой последний вывод: многие теоретики, включая польских священнослужителей, отмечают, что закон вообще не имеет ценности. Закон — это только средство обеспечения и охраны прав человека. И здесь он должен предполагать, что можно преобразовать, трансформировать подлинные человеческие ценности. Поэтому господство права или же права человека — это только абстрактные категории, которые можно использовать во благо человека, но можно и злоупотреблять ими. Мы видим достаточное количество примеров тому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я хочу пригласить на трибуну выдающегося российского социолога Жана Терентьевича Тощенко.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Уважаемые коллеги, с этой трибуны уже прозвучал подробный анализ тех проблем, с которыми столкнулся современный мир, и был сделан вывод, что они имеют экономические, политические, дипломатические и правовые факторы. Мне кажется, стоит уделить внимание еще одному очень важному моменту, который имеет большое научное и практическое значение и о котором сегодня говорили профессор Черешнев и Дуткевич, — это проблема «мягкой силы» в мировой политике и жизни общества. Что это реально означает? Каковы роль и значение общественного сознания в нашей жизни? Общественное сознание как «мягкая сила» иногда становится первоочередной силой по сравнению с перечисленными мною факторами. Мы это видим на примере тех событий, которые произошли на Украине. Долгое время в постсоветский период существовали контакты между руководством нашей страны и руководством Украины по поводу нефти, газа, нашего флота в Крыму, вза-

имных долгов, но никто не обращал внимания на то, что происходило с населением Украины. А в это время с ним работали другие силы. И наступило такое время, когда не экономические, не политические, не другие факторы, а именно эта «мягкая сила» привела к тому, что мы имеем сегодня.

Перейду к более широкому обобщению. Знаете, меня, как социолога, в принципе не волнует, что думают о России Меркель, Олланд и другие политические деятели Западной Европы. Меня больше волнует то, какое мнение сейчас распространено среди населения Западной Европы. Как социолог, я знаю, что там сформировано достаточно устойчивое мнение, которое, я бы даже сказал, довольно враждебно настроено к тому, что происходит в современной России. Опасаюсь, что даже со сменой Меркель и других политических лидеров мнение, которое сложилось у западного общества, не изменится. Поэтому вопрос о том, кто и каким образом влияет на общественное сознание, — это проблема, имеющая и научное, и прямое практическое значение.

В этой ситуации хотел бы напомнить высказывание Маркса, который говорил, что «идея становится материальной силой, когда она овладевает массами». Именно овладение соответствующими идеями нередко приводит к решению тех или иных вопросов. Свое выступление хочу закончить интересным высказыванием английского историка и философа Карлейля, которое мне очень нравится: «Революции происходят не на баррикадах — они проходят в умах и сердцах людей». Если они там произойдут, тогда люди пойдут и на баррикады.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Жан Терентьевич, если позволите, я задам один вопрос. Как-то средства массовой информации сообщали о том, что на Украине был ранен таксист, который отказался скандировать «Слава Украине!». Петр Петрович Толочко говорил о том, что подобное производит на людей страшное впечатление. Это настоящий фашизм, террор. Скажите, пожалуйста, как один из ведущих социологов России, да и, наверное, мира, как Вы считаете, могут ли быть сегодня на Украине проведены корректные социологические исследования с четкими данными, которые мы можем интерпретировать?

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Трудно сказать. Я сейчас располагаю данными проведенного и на Украине, и в России исследования, как относятся в России к Украине, а на Украине к России. Стоит отметить следующее: когда дело касается характеристики Украины и России как государств, и там, и здесь к ним очень негативное отношение, до 70 %. А когда касается отношений простых людей к украинцам или к русским, здесь практически большинство, наоборот, уверены в том, что отношения или еще хорошие, или их можно наладить. Поэтому народная дипломатия и «мягкая сила» — это наш резерв, с помощью которого мы можем решать самые сложные вопросы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Приглашаю к микрофону Владимира Константиновича Мамонто-

ва, которого журналистский и читательский мир России хорошо знает и как руководителя в свое время газеты «Известия», и как одного из лидеров журналистского коллектива «Комсомольской правды».

В. К. МАМОНТОВ: — Для меня большая честь присутствовать здесь и тем более завершать пленарное заседание после стольких блистательных выступлений, такого интеллектуального пиршества, я бы сказал. У меня есть несколько наблюдений, которые не претендуют на какие-либо серьезные выводы, тем не менее мне хотелось бы их озвучить. Здесь говорили о том, какие главные опасности существуют сегодня в мире в целом, в том числе в журналистике и научном сообществе, как мы друг друга стали воспринимать в международной жизни, мировой политике. Я считаю, одно из главных несчастий последнего времени — какое-то фантастическое упрощение. Петр Дуткевич здесь говорил о страхе. Эта примитивизация, когда все сводится к страху, упрощению, каким-то вещам, которые вроде бы легко понять, представляет собой своеобразную политическую таблицу умножения, но только отличие в том, что математическая таблица умножения верна при всех обстоятельствах, а нравственная, человеческая, политическая таблица умножения очень опасна и нестабильна, там не всегда дважды два — четыре.

Мне кажется, мы стали забывать об этом. Думаю, происходит это, наверное, под влиянием того, что идет война, пусть гибридная, какая угодно. Может быть, во время войны все так упрощается? Мы же помним, как было во время Великой Отечественной войны: где встретишь врага, там его и убей, — так писал Эренбург, и ему вторил Симонов. И уже к концу войны эти строки изменились на более сложные, стереоскопические. В последнее время правы те, кто демонстрирует некую старую школу в международных отношениях в попытке понять, что происходит. Из наших дипломатов, безусловно, первый, кто это делает, — это С. В. Лавров. Генри Киссинджер, так сказать, столп этого олдскульного отношения к делу, написал статью о России, в которой можно встретить такие слова: «Чтобы понять Путина, надо читать Достоевского». А кого надо читать, чтобы понять современных политиков, актеров суеты, которая происходит в Сирии под сопровождение взрывов и бомбежек? Кого из классиков американской литературы надо читать, чтобы понять Трампа? Уильяма Фолкнера, Марка Твена или, быть может, Курта Воннегута? А кого надо читать, чтобы понять такую фигуру, как Макрон? Сказки Шарля Перро, что ли?

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Мопассана.

В. К. МАМОНТОВ: — Да, может быть, и Мопассана. Понимаете, это самое опасное, что сейчас есть, как мне кажется, в нашей жизни. Это надо пытаться совместными усилиями преодолевать. Тут звучали призывы, чтобы интеллектуалы вернули интеллектуализм в политику, в нашу жизнь. Мы сейчас здесь, как мне кажется, этим и занимаемся. Думаю, наши скромные

усилия не пройдут даром. И слава богу, что мы об этом говорим.

Сегодня много удивительно точных мыслей прозвучало. Я считаю, что справиться со сложившейся ситуацией мы можем только сами. И у меня нет надежды ни на что другое, кроме как на внутреннюю гуманитарную составляющую всех нас. Надо терпеть и бороться. Все, кто может что-то сказать, например на Украине, как Петр Петрович Толочко, должны это делать. Конечно, ему трудно сейчас на родине, но он говорит то, что думает. Он знает, что может пострадать, но он это делает. Мы давно с ним знакомы, и у меня сложилось впечатление, что он заложник того понимания, что там все изменится. Здесь прозвучал вопрос о том, кто делает будущее — седовласые или, наоборот, молодые. Если человек, отчасти так называемый шизик (тут много замечательных терминов прозвучало), в хорошем смысле этого слова, бунтует против упрощения, страха, не хочет бояться, а хочет двигаться вперед, при этом неважно, седовлас он или длинноволос, стар или млад, это замечательно. Важно то, как он относится к жизни, как себя ведет и как противостоит той структуре, которая мешает нам спокойно жить. Если человек много читает, много знает, умен, нравствен, силен, то в конце концов он победит в этой борьбе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо всем, уважаемые коллеги. Пленарное заседание Лихачевских чтений подошло к своему завершению. У меня нет задачи подводить какие-то итоги сегодняшней дискуссии. Вы скажу лишь одно соображение. В гуманитарных науках, безусловно, есть люди, которым дано предугадывать судьбы человечества, судьбы цивилизации. И некоторые из них принимают участие в наших Чтениях, например Вячеслав Семенович Степин. Так вот он еще в 1990-е годы написал ряд работ, которые позволяли внимательному и вдумчивому читателю разглядеть,

что произойдет с миром в 2000-е. Эти работы доходили и до администрации Президента, но там не оказалось вдумчивого читателя, не было людей, которые хотели бы заглянуть вперед, да и сама система государственного управления у нас предусматривает решение проблем по мере их возникновения...

Слушая сегодня выступления участников, я вспомнил замечательного ученого Мераб Мамардашвили, который еще при советской власти написал блистательную работу о судьбе интеллигенции. Он писал о том, что интеллигенция — это исчезающий класс. Раньше это был класс свободно мыслящих людей, которые могли позволить себе писать и говорить то, что думают, потом они все стали работниками наемного труда. Ими командуют крупные корпорации. Вспомним историю. Какое впечатление на людей производили высказывания великих мыслителей XIX века, например Льва Толстого! Какое огромное значение для общественного мнения имели великие писатели первой половины XX века, которые приезжали в Россию и высказывались по поводу происходящего здесь в Западной Европе, в Соединенных Штатах Америки! А какое значение для мира имели высказывания Жан-Поля Сартра или Герберта Маркузе! Эти люди владели умами, они были настоящими интеллектуалами. Кто пришел на их место? Теперь умами владеют толстосумы, управляющие средствами массовых коммуникаций, нанимающие журналистов, которые, в свою очередь, занимаются мистификациями.

Как организатору Лихачевских чтений, мне очень хочется, чтобы та аккумуляция научного знания, которая происходит в этих стенах, а затем в наших сборниках, пробивала себе дорогу вопреки тому, что было сформулировано выдающимся философом Мамардашвили, чтобы идеи великих людей управляли общественным развитием в мире. Я благодарю вас всех за первый день работы Лихачевских чтений.